

Александр Житинский
Филиал

Истории для кино

Александр Житинский

Филиал. Истории для кино

«Геликон Плюс»

2013

Житинский А. Н.

Филиал. Истории для кино / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 2013

Писатель Александр Житинский (1941–2012) был литератором, нашедшим, а лучше сказать, создавшим своего читателя. Этот читатель интеллигентен, ценит игру воображения, иронию, юмор, милосердный взгляд на мир и жанровое разнообразие. Однако у Житинского был еще и зритель. Опытный прозаик нашел себя и как кинодраматург. В итоге – целая книга сценариев, часть из которых стали фильмами.

© Житинский А. Н., 2013

© Геликон Плюс, 2013

Содержание

От автора	6
Импровизация	7
Филиал	30
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Житинский

Филиал. Истории для кино

© А. Житинский (наследники), 2013

© к/с «Мосфильм», 1987, 1995.

© к/с «Ленфильм», 1990, 1994.

© к/с «Беларусьфильм», 1988

© «Геликон Плюс», оформление, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

В эту книгу вошли вещи, написанные для кино или же с расчетом на экранизацию. Такого рода проза отличается особым вниманием к фабуле и сюжетным переходам, а также к диалогу. Безусловно, она выглядит несколько облегченной по сравнению с традиционной прозой, однако уже давно стала особым жанром, существующим наряду с фильмами, которые созданы по этим произведениям.

Здесь представлены разные по характеру истории – от комедии абсурда до триллера. Некоторые из них созданы «по мотивам» – удобная форма создания киноверсий прозы, когда можно уйти достаточно далеко от оригинала...

Работа в кино никогда не рассматривалась мною как самостоятельная форма творчества. Я придерживаюсь мнения, что автор сценария, киносценарист обязан лишь помогать автору фильма – режиссеру и выполнять его пожелания. Это не исключает собственно литературных задач, которые выполняет сценарий, призванный не только обозначить канву действия, но и всей своей фактурой предугадать атмосферу будущего фильма, пользуясь при этом весьма ограниченным набором средств.

Так случилось, что все фильмы, созданные в Москве, на киностудии «Мосфильм» в мастерской Георгия Данелии, принадлежат Алексею Николаевичу Сахарову, ныне покойному, – замечательному режиссеру и человеку¹. Внезапная смерть режиссера прервала нашу работу еще над одной экранизацией – совсем в другом жанре, чем завоевавшая популярность «Барышня-крестьянка», а именно, над тургеневской «Песней торжествующей любви», помещенной в этом сборнике. Здесь уже тургеневский оригинал значительно видоизменен, в чем смогут легко убедиться читатели.

Я не скажу, что работа в кино всегда приносила мне моральное удовлетворение качеством выпущенных фильмов. Однако она помогала мне не заботиться о том, опубликуют или нет очередную повесть или роман, а значит, писать их так, как мне представлялось нужным. Ну и само сочинительство веселых историй для кино, само собой, часто было приятным занятием.

Александр Житинский

¹ Это фильмы «Время летать» (1987 г.), «Лестница» (1989 г.), «Барышня-крестьянка» (1995 г.). – Прим. издателя.

Импровизация

Первый вариант сценария х/ф «Когда святые маршируют»

На Неве, в сумерках белой ночи покачивался светящийся изнутри теплоход. Он выглядел немного таинственно. По набережной к нему деловитой походкой устремлялись группки людей. Многие из них были с музыкальными инструментами в чехлах и футлярах. По трапу входили на теплоход.

Прошел контрабасист с огромным футляром. Двое людей, обвешанных барабанами разных размеров, неловко поворачиваясь и гремя, тоже ступили на трап.

Приглушенные приветствия, пожатия рук и некоторая нервозность, будто перед опасным делом.

Точно в детективе, бесшумно подъехал грузовой фургон с потушенными фарами. Оттуда выпрыгнули люди, принялись грузить рояль. С большими предосторожностями и не без труда его тоже затащили на теплоход.

Машина уехала.

Рояль водрузили на верхней палубе. Там уже музыканты расчехляли тромбоны, трубы, кларнеты – блеснула медь. Кто-то пробовал звук.

Высоко в небе золотились облака над Петропавловкой.

В самый последний момент, когда пришла пора убирать трап, на набережной показался белый «рафик» с красным крестом. Из него выскочил человек в плаще, из-под которого виднелся халат врача, и побежал к теплоходу. С палубы ему махали руками: быстрее! Он взбежал по трапу на теплоход, и трап подняли.

А вокруг рояля уже сгрудился классический состав диксиленда: кларнет, тромбон, труба, контрабас, банджо. Тромбонист прищелкнул пальцем, и над тихой ночной набережной грянула музыка. Это была знаменитая пьеса «Когда святые маршируют».

Врач «Скорой помощи» тоже был среди музыкантов, хотя сам не играл. С восторженным и несколько печальным лицом слушал он музыку, глядя на исполнителей, среди которых были все герои фильма.

На этой музыке прошли начальные титры.

Пьеса продолжалась уже на сцене большого Дворца культуры в исполнении других музыкантов. Однако слушатель был тот же – врач «Скорой помощи» Юрий Ганичев с тем же выражением восторженной печали на лице. Он сидел среди публики в переполненном зале.

Когда началась импровизация трубы, Ганичев встrepенулcя. Недоуменно свел брови, будто пытаясь что-то вспомнить. Некоторое время он вглядывался в трубача и его трубу, а потом, извиняясь, стал пробираться к выходу.

Ансамбль под аплодисменты зрителей покинул сцену.

А Ганичев был уже в кулуарах Дворца. Он быстро шел по коридору. Все здесь указывало на то, что во Дворце проходит большой джазовый фестиваль: из раскрытых в коридор дверей доносились обрывки музыкальных фраз; в комнатах, временно превращенных в артистические, отдыхали, переодевались, готовились к выступлению участники. Сустились и сновали вокруг помощники с аппаратурой, корреспонденты, любители джаза. Везде висели афиши: «Осенние ритмы» со столбиками фамилий.

Перед закрытой дверью, на которой была табличка «Джаз-Комфорт», Ганичев остановился, потом решительно распахнул дверь.

В комнате он увидел только что отыгравших музыкантов. По стульям были разбросаны портфели, футляры, чемоданы. Висела на плечиках одежда. Ганичев направился к руководителю.

– Здравствуйте, Игорь Павлович!

– А-а, Юрий... – пожилой руководитель устало пожал ему руку.

– Спасибо за игру. Огромное удовольствие... – Ганичев осторожно посматривал по сторонам, пытаясь найти трубача среди переодевающихся музыкантов.

Игорь Павлович снисходительно и добродушно кивал.

– Вы меня с вашим трубачом не познакомите? – спросил Ганичев.

– Дима! – позвал руководитель.

Музыкант средних лет, причесывавшийся перед зеркалом, обернулся.

– Познакомься: верный оруженосец джаза Юра Ганичев.

Ганичев подошел к трубачу, они пожали друг другу руки.

– Простите, можно взглянуть на вашу трубу? – сказал Ганичев.

Музыкант раскрыл футляр, бережно вынул трубу, передал ее Ганичеву. Тот впился в нее глазами, осторожно поворачивал, рассматривая каждую деталь. На раструбе была гравировка «Б. Р.», а у мундштука – чуть заметная вмятинка.

– И вмятинка... – пробормотал Ганичев.

– Что? – не понял музыкант.

– Откуда у вас эта труба? – спросил Ганичев.

– Купил.

– У кого?

– У Сичкина. За пятьсот...

– Всего-то?.. – Ганичев безотчетно гладил трубу ладонью. – Сичкин, Сичкин... – он пытался припомнить.

– Видел я его только что, – бросил руководитель, прислушивавшийся к разговору. – За кулисами вертелся.

– Он всегда там вертится, – сказал трубач.

– Можно я возьму... ненадолго... – Ганичев приподнял трубу, умоляюще поглядев на Диму, потом на руководителя. – Очень нужно.

Руководитель кивнул Диме. Тот не очень охотно пожал плечами.

– Пожалуйста...

– Спасибо! – Ганичев вылетел из комнаты.

Маленький невзрачный Сичкин стоял за кулисами сцены и слушал музыку. Сбоку ему была видна ярко освещенная сцена, а на ней – джазовый ансамбль Валерия Зуйкова. В руках у Сичкина был футляр с электрогитарой, на лице написано полное блаженство. Он раскачивался в такт музыке, притопывал носком ботинка, прикрывал глаза, что-то мычал...

Ганичев тронул его сзади. Сичкин не реагировал. Ганичев потряс его за плечи. Сичкин вышел из экстаза, испуганно обернулся, стрельнул глазами в сторону.

– Отойдем, – сказал Ганичев.

Они отошли за сцену. Сичкин уже заметил трубу в руках Ганичева и опасливо на нее косился.

– Как Валера играет? А? Какой молодец!.. А я тут случайно, и вот такой сюрприз... – тархтел Сичкин на ходу.

– Инструментами спекулируете? – стараясь быть грозным, спросил Ганичев.

– Да что... да ну... кто вам сказал? – засуетился Сичкин.

– Где вы взяли эту трубу?

– Клянусь богом, все честно. Купил по случаю, за триста. Я же инструмент вижу – стоящий. Вдова продала...

– Вдова... – точно эхо, ошеломленно повторил Ганичев.

– Деньги ей понадобились, вот и продала. Месяц будет.

– Умер, значит... – Ганичев опустил трубу.

– Умер, умер. – охотно подтвердил Сичкин. – Я вдову неделю обхаживал.

– Да вы знаете хоть, чей это инструмент? – с горечью спросил Ганичев.

– Почему не знать? – обиделся Сичкин. – Бориса Решмина инструмент. Вот и монограмма. Слыхали.

– Что вы слыхали... – махнул рукою Ганичев и пошел прочь.

Сичкин смотрел ему вслед.

Трещал в темноте старенький кинопроектор, в узком луче света плясали пылинки.

На экране были документальные кинокадры, запечатлевшие негритянские похороны. Старая черно-белая пленка, дребезжащие звуки диксиленда.

Негритянский хор пел спиричуэлс.

Пленка кончилась, мелькнули полосы на экране. В зале зажегся свет. Ведущий, небольшого роста кругленький человек с лучезарной улыбкой, обратился к небольшой аудитории, состоящей из молодежи:

– Джаз берет свое начало в народной негритянской музыке. В начале нашего века он стремительно распространился по свету, породив массу течений и стилей. Современный джаз – это могучая ветвь музыки, музыки не менее серьезной и проблемной, чем симфоническая... Я хочу познакомить вас с одним из представителей современного джаза, эстонским композитором и пианистом Тыну Найсо.

Раздались аплодисменты. На маленькую сцену вышел огромный бородатый человек с большими руками и детскими голубыми глазами. Сцена была тесна для него. Он неуклюже поклонился и сел за рояль.

Погасили свет. Прожектор высвечивал фигуру музыканта. Несколько секунд он неподвижно сидел над клавиатурой, а потом, опустив на нее свои большие руки, извлек первый, осторожный и мягкий звук...

Музыка продолжалась, разрастаясь, обретая трагическое звучание. Ей соответствовало лицо человека лет пятидесяти – неподвижное, словно окаменевшее, с остановившимся взглядом. Это был тромбонист Алексей Дмитриевич Сокольников – бывший руководитель диксиленда, в котором играл когда-то Борис Решмин.

Сокольников тяжело опирался подбородком на трубу Решмина, обхватив ее обеими руками.

Они были в комнате вдвоем с Ганичевым. Ганичев сидел за столом, на котором стояли бутылка водки, наполовину опорожненная, лежала буханка хлеба. На столе было три рюмки – две пустые и третья полная, накрытая ломтиком черного хлеба.

Ганичев говорил, не глядя на Сокольникова и даже будто бы не к нему обращаясь.

– ...Я как глянул – вмятинка. Петергоф, пятьдесят восьмой год. Сразу вспомнил. Вас тогда на танцах побить хотели. Помните, Алексей Дмитрич?..

Сокольников был неподвижен.

– Думаю – ну не мог он сам трубу продать! Либо украли, либо... Звук у нее уникальный, я ведь по звуку узнал, хотя не слышал пятнадцать лет...

– Двадцать, – сказал Сокольников.

– Нет, после того как вы разошлись, я Борю еще слушал. Он играл. Как играл! Музыкант божьей милостью.

– Мало божьей милости.

Сокольников отложил трубу, поднялся, подошел к стене, на которой висела пожелтевшая афиша «Диксиленд п/у Алексея Сокольников» с датой концерта «15 апреля 1961 г.». И фотография – шесть молодых музыкантов в белых рубашках с закатанными рукавами и при бабочках и певица в юбке колокольчиком.

Сокольников смотрел на фотографию.

– Какая была команда! – вздохнул Ганичев. – Решмин, Баня, Витек Кротов... Клуб завода «Вулкан». У Бани контрабас сперли, помните? Я же за него отвечал. Ревел, как девчонка...

– Теперь писатель. Драматург, – сказал Сокольников, посмотрев на фотографию.

– А Боря свою трубу мне даже поносить не давал...

– Первый ушел, – Сокольников вернулся к столу, налил в рюмки.

– В Мраморном Носов, Гольштейн, Додик совсем еще пацан. Все танцуют, а мы у сцены столпимся, наглядеться не можем... «Глори, глори, аллилуйя...» – тихо запел Ганичев, прикрыв глаза.

– Вот так и... – Сокольников не закончил фразу, взялся за рюмку, но вдруг отставил ее, пораженный какой-то мыслью.

– Где теперь все... – покачал головой Ганичев.

– Юра, ты мне их найди. Где хочешь. Я их видеть хочу, – резко сказал Сокольников.

Джазовый теплоход вышел в море. Вставало солнце. На верхней палубе, подхватив мелодию Ганичева, играли «Глори, глори...». Струны контрабаса перебирал высокий сутуловатый человек лет пятидесяти. Аккомпанировал он серьезно и несколько чопорно. Когда началось его соло, он склонился к грифу, закрыл глаза и принялся с каким-то мучительным сладострастием дергать толстые струны.

Гудел, будто жалуясь на что-то, контрабас.

Драматург Олег Олегович Банькович, он же контрабасист с теплохода, готовился у себя дома к священнодействию. Он настроил видеоманитофон, включил телевизор, всунул видеокассету... По тому, как он это делал, было видно, что это составляет одно из главных его жизненных наслаждений. Он предвкушал удовольствие.

Из телевизора полилась музыка. На экране появился оркестр Гленна Миллера из «Серенады Солнечной долины».

Банькович, суетясь, подбежал к платяному шкафу в углу своей хорошо обставленной комнаты и извлек из него издававший виды контрабас.

Он встал перед телевизором, повертел колки и с очередного такта включился в музыку.

Гудели струны контрабаса, а на экране худощавый элегантный Гленн Миллер в золоченых очках дирижировал своим знаменитым биг-бэндом и одиноким контрабасистом.

Банькович не расслышал, как позвонили в дверь.

– Алик, это к тебе, – заглянула в комнату мать.

– Я же просил! Кто это?! – плачущим голосом воскликнул Банькович, прекращая играть.

– Говорит, из «Скорой помощи».

Банькович насторожился, спрятал контрабас в шкаф, выключил магнитофон и сел за письменный стол с недовольным лицом.

На пороге уже стоял Ганичев.

– Здравствуйте, – сказал он, застенчиво улыбаясь.

– Здравствуйте. Простите, вероятно, ошибка. Мы вас не вызывали, – сказал Банькович.

– Баня, вы меня помните? – тихо спросил Ганичев.

Банькович вздрогнул. Его не называли так уже двадцать лет. Он внимательно посмотрел на вошедшего.

– Не-ет, – сказал он неуверенно.

– Я вам контрабас таскал. Помните клуб «Вулкан»? Я тогда мальчишкой был.

Банькович не узнавал. Он взял курительную трубку и стал ее набивать, чтобы выиграть время.

– Садитесь, курите...

– Спасибо, не курю, – Ганичев сел в кресло.

– Так чем... э-э... так сказать, обязан? – осторожно спросил Банькович.

– У меня ведь все записи сохранились, – будто не слыша Баню и настраиваясь на долгую беседу, сказал Ганичев. – Ребята, конечно, были – первый класс. Герасим, Мендель, Люси... – он мечтательно улыбнулся. – Помните, как она... «О вен зе сейнз, гоу мачин и-ин...» – запел Ганичев.

Банькович чувствовал себя не в своей тарелке. Что нужно этому человеку? Может быть, сумасшедший?

– Не знаете, где они сейчас? – спросил Ганичев как бы между прочим.

– Нет... Простите, как вас по имени-отчеству?

– Зовите меня Юрик. Раньше вы звали меня Юрик.

– М-м... Юрик... Простите, мне нужно работать...

– Читал вашу книжку. – сообщил Ганичев, явно не собираясь уходить.

– Это приятно, – Банькович нервно забарабанил пальцами по столу.

– Баня, джаз-клуб приглашает вас на ночной джем, – внезапно сказал Ганичев.

Он вынул билет и издала показал его Бане.

Банькович словно окаменел. Он попытлся трубкой и только потом ответил:

– Спасибо. Я не могу.

– Конечно, писатель – человек занятой... Где уж там, чтобы поиграть со старыми друзьями, – с укором произнес Ганичев.

Банькович рассердился.

– Послушайте, по какому праву? Я расстался с джазом двадцать лет назад. Навсегда! Бесповоротно! И контрабас давно продал.

– Вот это напрасно, – мягко заметил Ганичев. – На чужом играть хуже.

– А я и не собираюсь ничего играть! Слышите! Не пойду! Я никого не видел двадцать лет. Что я им скажу?

– Говорить не надо. Вы сыграете.

– Сыграете... – проворчал Банькович, но уже добродушно. – Вы знаете, как мы разошлись? Атомный взрыв! Тайфун! Пять лет были не разлей вода, а расплевались в один день. У Лешки Сокольников характер! Время какое – помните? Хотя вы еще в телячьем возрасте были. Извините... Шестидесят четвертый год. Битлы, длинноволосые с гитарами. Джазу крышка...

Ганичев устало кивал, потирая лицо ладонью.

– Я это все знаю. Вы просто испугались.

– А вы бы не испугались?! Что играть? Для кого? Тут либо – либо... Надо дело иметь в руках! О семье думать, о детях...

– А у вас семья, Баня? – спросил Ганичев.

– У меня лично нет. Это дела не меняет. Нас уже не склеить. Да и какой смысл?

– Смысл! Смысл! – вскипел Ганичев. – Да люди до сих пор вспоминают, как вы играли! Фаны, вроде меня, пленки переписывают. Вы же нам, Олег Олегович, в душу плюнули. Не имели вы права этого делать!

– Нам лучше знать, – заметил Банькович.

– Алексей Дмитрич джаза не бросил. Перебивался кое-как, бывало, последнее продавал, – укоризненно сказал Ганичев.

– Молодой человек, не надо читать мне морали, – снова рассердился Банькович. – Леша – это Леша, а я – это я. Мы из разного теста. Если хотите, я уже тогда писал стихи и мечтал о литературе. Настоящих музыкантов среди нас двое было: Сокольников и Решмин... И Люси... – Банькович тяжело вздохнул.

Ганичев поспешно поднялся с кресла, испугавшись, что зайдет разговор о Решмине.

– Я вас понял, Олег Олегович, – сухо сказал он.

– А ее вы пригласили? – спросил Баня.

– Кого?

– Люду Левченко. Люси...

– Конечно, – соврал Ганичев.

– И что... она?

– Люси визжала от восторга, – небрежно бросил Ганичев, направляясь к двери. В кресле остался лежать билет на джем-сейшн, будто бы забытый нечаянно...

А во Дворце культуры полным ходом продолжался джазовый фестиваль. Со сцены доносились звуки музыки, где-то репетировали, кого-то интервьюировал репортер. В артистических отдыхали отыгравшие музыканты, выжатые как лимоны – вытянув ноги и утирая пот.

Ганичев кого-то здесь искал. Подошел к одному, что-то спросил, нырнул в артистическую.

В кресле полулежал саксофонист – старая гвардия джаза.

– Толя, привет, – Ганичев пожал его вялую руку. – Колоссально играли!

Музыкант уныло покачал головой.

– А я лажанул...

– Где? Да брось ты! Сыграли железно! – успокоил его Ганичев.

– Лажанул, Юрик. Нет звука. Играю только по праздникам.

– Толя, ты Витьку Кротова помнишь? – спросил Ганичев.

– Крота? Из первого Лехиного состава?

– Ну да, банджист.

– Видел лет пять назад.

– Где?

– А-а... Лучше бы не видел, – махнул рукой Толя.

– Что? – насторожился Ганичев.

В ответ саксофонист провел ребром ладони по шее.

– Не играет? – спросил Ганичев.

– У него же руки трясутся.

– А где его найти, не знаешь?

– Не... Спроси у Ершова.

Ганичев кивнул и быстро удалился.

Музыканты Ленинградского диксиленда в концертных красных смокингах ожидали выхода. На сцене доигрывало трио Лыткина.

Ганичев подошел к банджисту Ершову, о чем-то спросил. Из-за музыки не было слышно, что ответил Ершов. Послышались аплодисменты. Трио раскланялось и покинуло сцену. Проходя мимо, музыканты дружески напутствовали коллег перед выходом.

Стихли аплодисменты – это диксиленд появился на сцене. Началась музыка.

Ершов сначала подыгрывал, но вот пришла его очередь, и он начал солировать.

Джазовый теплоход плыл по какой-то речушке среди полей, березовых рощ, деревень в несколько домиков, среди пасущихся на лугах коров, цветущей земли.

Музыканты на палубе, раздевшись кто до трусов, кто просто скинув пиджак, играли нечто джазово-пасторальное. На банджо играл человек с худым лицом и впалыми щеками, зачесанный на пробор.

Под дребезжащие звуки банджо во двор продовольственного магазина зарулил «рафик». Ганичев выпрыгнул из машины.

– Вася, две минуты! – крикнул он шоферу и побежал ко входу.

В зарешеченном окне подсобки мелькнуло мужское небритое лицо. Увидев белый халат врача, человек скорчил испуганную гримасу и исчез.

Ганичев вошел. Навстречу шла женщина в халате продавца.

– Обед у нас.

– Кротова можно видеть? – спросил Ганичев.

– Там, – указала она на дверь.

Ганичев распахнул ее и вошел.

На цементном полу в пустой подсобке стояли три ящика. На двух сидели мужчины – тот, что выглянул в окно, и Виктор Кротов – в ватнике, с гладкими впалыми щеками, зализанный на пробор. На третьем ящике лежал плавленый сырок и стояли два пустых стакана.

– Виктор Иванович? Кротов? – спросил Ганичев, с трудом узнавая бывшего банджиста.

Небритый встал, подобострастно улыбаясь. Кротов продолжал сидеть.

– Согласия моего не было, – сказал Кротов мрачно. – Принудительно – только через суд.

– Витек, ты погоди, Витек, – залебезил небритый. – Может, амбулаторно.

– Люська его вызывала – пускай сама и лечится! – Кротов демонстративно отвернулся.

Несколько секунд Ганичев с жалостью смотрел на Кротова.

– Витек, ты много принял сегодня? – спросил он почти ласково.

– Вы мне не тыкайте! – закричал Кротов.

– Ничего с утра не пили, ни капелюшки. Как на духу... – оправдывался небритый.

Внезапно дверь подсобки распахнулась, и на пороге возникла пышная женщина в белоснежном халате и крахмальной наkolке. Ганичев изумленно отшатнулся: он узнал в этой дородной немолодой продавщице Люту Левченко, Люси – бывшую вокалистку.

– Твоя работа?! – заорал Кротов, вскакивая.

– Люся... Вы... – пробормотал Ганичев.

– Что случилось? Да постой ты! – отбивалась она от мужа.

– В психушку меня решила! – кричал он.

– Тихо, Витя! Товарищ, вы к кому? – обратилась она к Ганичеву.

– К вам. Обоим, – Ганичев сел на ящик и тяжело вздохнул, не в силах ничего больше сказать.

Они тоже молчали.

– Вы из санэпидстанции? – попыталась угадать Людмила.

– Я из вашей молодости... – он криво улыбнулся, но тут же понял, что пошутил неудачно. – Юрик я, Ганичев. Я от Леша Сокольников.

Он вытащил из нагрудного кармана пригласительный билет, протянул им. Людмила осторожно взяла, стала читать.

В служебку заглянула молодая продавщица.

– Кротов! Долго мне кричать? Иди селедку принеси в отдел!

Кротов очумело взглянул на нее, только рукою махнул. Вместо него услужливо побежал небритый.

– Он что... пригласил нас? – дрогнувшим голосом спросила Людмила.

– Да. Он хочет сыграть с вами, – без энтузиазма пояснил Ганичев.

– Куда уж нам! – горько махнула она рукой.

– Я... Да я... – повернулся к ней Кротов.
– Молчи. Банджо давно пропил.
– Продам я его. Хорошему человеку, – хмуро сказал Кротов.
– Значит, не сможете... – Ганичев уже смирился с тем, что они не пойдут, да и нечего им там делать.
– Да, не сможем, – с едва уловимой обидой произнесла она. – Скажете Леше: не нашли нас.
– Простите, что побеспокоили, – Ганичев, не глядя, кивнул им и вышел.
– Кто не сможет?! Это я не смогу? – грозно сказал Кротов и вырвал билет у жены. – Еще как сыграю, не бойсь!
– Дурачок... – с жалостью сказала она.
– Я, может, пью оттого... – он не договорил, отвернулся.

Задремавший на станции «Скорой помощи» Ганичев встрепенулся от резкого звонка. Вызов! Бригада устремила к машине. «Рафик» отъехал.

Одновременно с отъездом «Скорой» началась джазовая пьеса в исполнении ансамбля музыкантов. Далее, сменяя друг друга, проходят сцены работы бригады Ганичева по спасению больного – и импровизации музыкантов. Четкость, с какой вступает в дело каждый член бригады: водитель, врач, санитары, – напоминает сольную игру музыкантов. Каждый эпизод работы «Скорой» находит себе эквивалент в музыке.

Лица врачей и лица музыкантов. Труд одинакового напряжения и равной душевной отдачи.

Уставший до предела Ганичев вышел из дверей кардиологической больницы, куда только что был доставлен больной. Он утер лицо белой шапочкой.

– Успели... – сказал водителю.

И расплылся в улыбке.

Устало улыбались и музыканты, закончив пьесу под гром аплодисментов.

Ганичев метался перед студией телевидения, взглядывал на часы. Наконец не выдержал, сунулся внутрь к вахтерше.

– Вы меня не пропустите?

– Пропуск!

– Был бы пропуск, я бы не спрашивал.

– Не имею права. Отойдите, гражданин!

Ганичев опять вышел на улицу. Мимо шли знакомые музыканты. Ганичев остановил одного.

– Простите, вы Сокольникова не вызовете?

– Вряд ли он сможет. Сейчас запись.

К телецентру подошел автобус. Из него вышла большая группа финских музыкантов. Ганичев подскочил к молодому парню, который тащил ударную установку. Взялся за барабан.

– Плиз? Ай хелп.

Тот пожал плечами, отдавая барабан. Прикрываясь им, Ганичев прошел мимо вахтерши. На лице его сияла улыбка: он был доволен своей выдумкой, а также тем, что снова, как в юности, носит инструменты за музыкантами.

В павильоне все было готово к записи. На освещенной площадке за столиком сидели ведущий передачи – тот же толстячок, что показывал старую хронику, – и Сокольников.

– Алексей Дмитрич! – помахал ему рукою Ганичев, пронося барабан на другую площадку.

Сокольников кивнул, продолжая о чем-то тихо разговаривать с ведущим. Рядом готовились к записи музыканты его состава: все в одинаковых концертных костюмах, таких же, как у Сокольникова.

Ганичев поставил барабан перед телекамерой и пожал руку финскому музыканту.

За столиком между Сокольниковым и ведущим шел разговор.

– Я не понимаю, почему ты не хочешь сказать о своем первом составе! – кипятился ведущий.

– Не хочу, и все, – сказал Сокольников.

– Я понимаю, ты на них обижен, но это был первоклассный состав. Давай я скажу.

– Не надо. Не в обиде дело.

– А в чем? Для истории советского джаза эти имена кое-что значат, поверь мне. Кротов, Банькович, Решмин...

– Боря умер, – сказал Сокольников.

– Что?

– Решмин умер. А мы и не знали... А другие? Где они? Мы их потеряли, понимаешь? Нечего делать вид...

– Тогда конечно, – неуверенно сказал ведущий. – Ай-яй-яй! Боря умер...

Зажглось табло «ТИШИНА В СТУДИИ. ИДЕТ ЗАПИСЬ!» Голос режиссера сказал по трансляции.

– Внимание, начинаем! Пожалуйста, Владимир Борисович.

Сокольников вышел за пределы освещенного круга. Ведущий приготовился говорить.

Ганичев сделал знак финскому барабанщику: тихо! Однако тот обворожительно улыбнулся и, как бы приветствуя Ганичева, вдруг произвел невероятный шум, пустив в ход большой и малый барабаны и тарелки. Опустив палочки, он победоносно взглянул на испуганного Ганичева.

По трансляции раздался рассерженный голос режиссера:

– Я сказал: тишина! Начинаем сначала!

Ганичев знаками показал финну, чтобы он спрятал палочки. Тот наконец повиновался.

В отдалении, на ярко освещенной площадке, начал что-то говорить ведущий. Его снимала одна камера.

К Ганичеву на цыпочках подошел Сокольников. Они обменялись рукопожатием.

– Ну как? – шепотом спросил Сокольников.

– Баню нашел и Крота с Люси. Она его жена, представляете? – тихо доложил Ганичев.

– Баньковича?

– В том-то и дело! Кротова! – Ганичев испуганно зажал себе рот, опасаясь нарушить тишину. – Я тоже думал, что она за Баню выйдет...

– Ай да Крот! – покрутил головой Сокольников. – Как он?

Ганичев уклончиво пожал плечами – он не хотел расстраивать Алексея Дмитриевича.

– Рады были? – спросил Сокольников, уверенный, что иначе не могло быть.

– В общем, да... – Ганичев спрятал глаза.

– Я тебя чего позвал, – торопливо зашептал Сокольников, увидев, что ведущий заканчивает и его музыканты собираются перед камерой. – Мой флейтист – видишь, вон тот, белобрысый, – знает, как найти Менделя. Поедешь с ним после записи.

Сокольников поспешил к своему составу, двигая на ходу кулису тромбона.

Ведущий заканчивал:

– ...Мы послушаем в исполнении этого коллектива пьесу «Вниз по реке». Она входит в репертуар ансамбля Алексея Сокольникова уже четверть века, со времен первого состава, о котором теперь помнят лишь старые любители джаза...

Ансамбль Сокольникова заиграл. Ганичев смотрел на молодого флейтиста.

После записи Ганичев с флейтистом, которого звали Севой, усаживались на мотоцикл. Сева протянул Ганичеву шлем, тот надел довольно неумело. Сева завел машину.

– Не бойтесь?

– Еще не знаю, – Ганичев сел на заднее сиденье и обхватил Севу руками.

Сева нажал газ. Мотоцикл взревел и сорвался с места. Футляр с флейтой был приторочен к седлу, как колчан.

– Куда мы едем? – на ходу прокричал Ганичев.

– Клуб завода «Вулкан»! Знаете?

– Еще как! – обрадовался Ганичев.

Джазовый теплоход шел в порту, пробираясь между громадами советских и иностранных судов. Проплывали названия, мелькали вымпелы и флаги, матросы гуляли по палубам.

На теплоходе продолжали играть. Кудрявый седой человек с маслянистыми черными глазами играл на рояле, чутко прислушиваясь к каждому звуку.

В клубе завода «Вулкан» было пустынно. Ганичев с Севой поднялись по лестнице, пошли по коридору. Откуда-то доносился странный неясный гул, точно извергался вулкан. Гул нарастал. Стало ясно, что источник его находился за дверью в конце коридора.

Они дошли, и Сева распахнул дверь. Им в лицо ударил плотный, почти осязаемый комок звуков. Ганичев даже остановился от неожиданности.

В глубине небольшого зала, на низкой сцене, репетировал состав рок-группы: две гитары, ударник...

...а за электроорганом сидел кудрявый седой человек с маслянистыми черными глазами. Это и был пианист первого состава Сокольников Илья Менделев. По возрасту он сильно отличался от своих партнеров – тем было не более тридцати. Тем не менее Менделев с увлечением и азартом пел вместе с ними какую-то песню. Слов было почти не разобрать из-за невероятно громкого звука.

Сева с Ганичевым уселись в последнем ряду.

– Менделев, видите? – прокричал Сева на ухо Ганичеву.

Тот кивнул. Он узнал Менделева сразу.

– Вы тоже с ними играете? – крикнул Ганичев Севе.

– Бывает!

– А Алексей Дмитрич?

– Он не знает. Он эту музыку не уважает!

– А вам самому что больше нравится?

Сева подумал.

– Понимаете, там – дело. А здесь – для души...

Песня закончилась мощным электроаккордом.

– Сева! Давай сюда! Нужно попробовать, – позвал гитарист.

Сева взошел на сцену и принялся репетировать дуэт с гитаристом.

Менделев, потянувшись, вышел из-за электрооргана. Он был в свободном свитере, волосы падали на плечи.

Ганичев не спеша пошел по проходу к сцене. Менделев, почувствовав на себе его взгляд, остановился.

Сева с гитаристом играли, обрывали игру, начинали сначала. В аккомпанемент включилась бас-гитара.

– Илья Захарыч, я к вам, – сказал Ганичев, подойдя.

Менделев посмотрел на него со сцены и вдруг расцвел в улыбке.

– Юрик! Ты что здесь делаешь?

Он прыгнул вниз и горячо обнял Ганичева. Тот был тронут.

– Думал, что вы меня не узнаете...

– Да ты такой же! Не ожидал тебя здесь встретить!

– Это я не ожидал вас здесь встретить, – с едва уловимым укором проговорил Ганичев.

Менделев сделал вид, что не понял намека. Он взял Ганичева под руку и увлек в глубь зала.

– Почему же? Это наша молодость, помнишь? «Вулкан»! Сколько мы здесь пота пролили, слез... Лучшие годы, Юрик!

– Значит, вспоминаете молодость? – съехидничал Ганичев.

Менделев огорченно посмотрел на него.

– Зачем язвишь? Нравится мне это.

– Да как вам может это нравиться?! – вскипел Ганичев. – Это же мусор!

Менделев потемнел.

– Вот что, Юрик. Говори, зачем пришел.

– Алексей Дмитрич вас приглашает на джем, – он протянул билет.

Менделев присвистнул.

– Вспомнил-таки старого Менделя! А он таки не думает, что Менделю уже не хочется трясти стариной? Юрик, я отдал джазу молодость, ты знаешь, но старость я ему не отдам. Меня греет это...

Он кивнул в сторону сцены, где пели молодые.

– Простите, Илья Захарыч, но это примитив. Разве это можно сравнить с Армстронгом? Бейси? Дюком?

– Зачем сравнивать? Ты «Битлз» слышал? – спросил Менделев.

– Ну слышал...

– Считай, как хочешь. Может, это и примитив, – завелся Менделев. – Только этот примитив в тысячу раз живее той дохлятины, которую уже двадцать лет играет Леха!

– Так ему и передать?! – крикнул Ганичев.

– Так и передай!

– И Дюк – дохлятина?

– Нет, Дюк – не дохлятина. Дюк – классика. Но он уже свое сделал, сделал! Нужно дальше идти! А вы будете еще сто лет повторять Дюка!

– Это лучше, чем играть всякую муру!

– Муру?! Что ты понимаешь? Ты музыкант?!

Ребята на сцене давно остановились и кто с улыбкой, кто с тревогой всматривались в зал, где два немолодых человека, казалось, готовы были подраться.

– Илья, чего у вас там? – спросил гитарист.

Вместо ответа Менделев бросился к сцене, вспрыгнул на нее, обернулся к Ганичеву:

– У тебя есть две минуты? Слушай!.. Ребятки, сделаем для этого пенька «Йестердей».

Он сел на клавишные, ребята взяли аккорд и запели известную песню «Битлз» – грустную и мелодичную. Ганичев уселся, стал слушать. Музыка умиротворила его.

Он смотрел на сцену и видел на ней других музыкантов, которые репетировали здесь четверть века назад, горячились, спорили о музыке. Сквозь песню «Битлз», казалось, доносились обрывки тех споров.

– Нельзя вечно играть Цфасмана! Нужно идти вперед, – говорил трубач.

– Авангард публика не поймет...

– При чем здесь авангард? Мы заторчали на диксиленде. Давайте попробуем «боп»...

– Боп-боп-боп-боп-боп... – разнеслось, точно эхо.

– Рок-рок-рок...

Песня кончилась.

– Ну что, разве это не музыка? – спросил Менделев.

– Старую собаку не научишь новым фокусам, – грустно улыбнулся Ганичев.

На танцевальной площадке грохотала музыка, переливались цветные огни, было полутемно. Молодые люди плясали.

Ганичев пробирался от дверей к эстраде, где играл небольшой состав. Среди музыкантов выделялся тучный немолодой саксофонист. Он стоял в центре и дул в саксофон. С него лил пот.

К микрофону вышла певица.

– Белый танец, – объявила она и запела медленную мелодию.

Не успел Ганичев опомниться, как к нему подошла маленькая девушка в брюках и, сделав книксен, пригласила танцевать. Ганичев страшно смутился, сделал даже попытку убежать, но взял себя в руки и принял приглашение.

Неуверенно ступая и глядя куда-то в сторону, он начал танец. Видно было, что он не танцевал уже тысячу лет.

– Я вас здесь раньше не видела. – сказала девушка, положив голову ему на плечо.

– Да... я обычно... в других местах, – в панике бормотал Ганичев.

– В «Пятилетке»? – спросила она деловито. – Там грубо.

– Нет, я в клубе завода «Вулкан».

Девушка подняла голову и удивленно посмотрела на него.

– Там одни хипари.

– Я тоже хипарь. Внутри, – улыбнулся Ганичев.

Он осмелел. Его движения приобрели целенаправленность: он увлекал партнершу к эстраде.

Танец кончился. Ганичев с сожалением посмотрел на девушку. Ансамбль вдруг заиграл старый рок-н-ролл, прекрасно известный Ганичеву по пятидесятым годам. Певица запела на английском.

– Вы рок-н-ролл умеете? – с сомнением спросила девушка.

– Да я танцевал это, когда вас на свете не было! – притворно возмущился Ганичев.

Он ухватил девушку за руку и вдруг начал выделывать ногами бог знает что. Партнерша со смехом включилась. Публика образовала круг перед эстрадой. Все перестали танцевать, только смотрели на Ганичева и подхлопывали в такт. Музыканты тоже старались, увидев настоящий рок-н-ролл. Ганичев кутил партнершу, вертелся сам, пиджак у него расстегнулся, волосы растрепались. С последним аккордом Ганичев подхватил девушку на руки да так и замер с нею.

Раздался гром аплодисментов. Девушка чмокнула Ганичева в щеку. Тяжело дыша, он опустил ее на пол.

– Надо же! – сказала она с уважением.

– Приз за лучшее исполнение рок-н-ролла вручается... – певица вынула откуда-то коробку мармелада и поманила Ганичева к себе.

– Как ваша фамилия?

Ганичев тихо назвал себя.

– ...Юрию Ганичеву с партнершей! – закончила певица.

Ганичев принял коробку и галантно вручил ее девушке.

Саксофонист сошел с эстрады, подошел к Ганичеву.

– Здравствуй, Юрик! Думаю, кто это так лихо пляшет. Совсем по-нашему... Молоток!

– Здравствуйте. – сказал Ганичев, пожимая ему руку.

Девушка уже ела мармелад, поглядывая на Ганичева с любовью.

Саксофонист Герасимов и Ганичев, пользуясь перерывом, сидели в буфете и пили пиво. Девушка сидела тут же со своею коробкою мармелада и пила пепси-колу, прислушиваясь к разговору мужчин.

– Поболтался в Тульской филармонии, потом в Сибири, – рассказывал Герасимов, – работы нет, джаз не покупают... А раз нет работы, то и звука нет. Нет игры. Я уже лет пять не музыкант, а лабух.

– Ешьте мармелад, – предложила девушка.

Герасимов посмотрел на нее с удивлением, но мармелад взял.

– Да, честно сказать, из нашей компании только Леха и Боря джаз понимали. А мы так – попали в струю... Я Бориса несколько лет назад встречал. Посидели с ним у него на кухне, потом он мне сыграл. Идеи у него колоссальные, никому не снилось. А слушать кто будет?

– Адрес его знаешь? – спросил Ганичев.

– Записан... – Герасимов достал записную книжку, раскрыл и положил перед Ганичевым. Ганичев списал адрес.

– А Леху мы просто предали, – сказал Герасимов, пряча книжку. – Сейчас даже на глаза ему стыдно показаться... Да не хочу я мармелада! – вдруг вскричал он, заметив, что девушка снова подсовывает ему коробку.

Девушка испугалась.

– Дядя шутит, – мрачно прокомментировал Ганичев. – Эх вы! – вздохнул он. – Мы же вашими руками, вашими губами играли! Вы для нас были... ну как не знаю кто. Свет в окошке. Своя команда. Мы за вас были готовы в огонь и в воду... Если бы я играть умел! Может, я двадцать лет ждал, что вы вернетесь... – закончил он, опустив голову.

Герасимов тяжело сопел. Девушка растерянно переводила взгляд с одного на другого.

Подошел музыкант из ансамбля.

– Геннадий Петрович, время! – он постучал по часам.

Герасимов тяжело поднялся.

– Извини, – сказал он, пожимая Ганичеву плечо.

– Ну я пойду... – с сочувствием проговорила девушка.

Она не знала – брать ей мармелад или нет. Потом решила, взяла.

Ганичев сидел, обхватив голову руками. Из зала донеслась музыка. Это было вечно: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...»

Джазовый теплоход был уже где-то среди сплошных льдов, едва пробирался между ними – заиндевелый, покрытый льдом, – и на палубе его не было ни души.

В полной тишине было слышно, как трутся о борт льдины.

Один среди бескрайних просторов.

Сокольников был в ярости.

– Ты меня жалел, да? А я не нуждаюсь! Я правду люблю. Мендель рок лабает – вот правда! Почему я должен об этом от других узнавать?

– Извините, Алексей Дмитрич, – виновато оправдывался Ганичев.

Разговор происходил в фойе Дворца культуры, где происходил очередной концерт фестиваля.

– Извините... – проворчал Сокольников. – А что остальные?

– Ну Бая, вы знаете, книжки пишет. Кротов... грузчиком в гастрономе...

– Что? Вот это? – Сокольников щелкнул себя по кадыку.

Ганичев уныло кивнул.

– Идиот!

– Гена Герасимов на танцах играет в Мурино...

– Та-ак... Господи боже мой! А как петушились! Говорил им – выживем только вместе... Не хочу я их видеть!

– Да они и сами не очень-то, – признался Ганичев.

– Что-о? – обиделся Сокольников.

– Стыдно им, Алексей Дмитрич.

– Правильно. И должно быть стыдно.

Прозвенел звонок.

– Пойдем послушаем. Интересные ребята, – сказал Сокольников. – Главное, молодые.

На сцену вышел ансамбль молодых джазистов. Ведущий объявил:

– Выступает ансамбль Константина Дюбенко.

Музыканты заиграли.

Сокольников и Ганичев слушали в ложе.

– Пианист консерваторию кончил, представляешь? – с некоторой завистью сказал Сокольников, оборачиваясь к Ганичеву. – Боря бы видел! Он все страдал, что нам образования не хватает.

Молодые играли легко, технично, азартно.

Дверь открыл юноша лет восемнадцати – высокий, стройный, с пробивающимися черными усиками.

– Это квартира Решминых? – спросил Ганичев.

– Да.

– Простите, я старый приятель Бориса Игоревича...

– Проходите, – без улыбки кивнул юноша.

Ганичев зашел в прихожую небольшой двухкомнатной квартиры. Протянул руку юноше.

– Ганичев.

– Борис.

– Сын?

Юноша кивнул все так же сдержанно.

– Мог бы я видеть его жену?

– Мама! – позвал Борис.

– Значит, вы тоже Борис... – задумчиво сказал Ганичев.

Он раскрыл портфель и достал оттуда букетик цветов.

Из кухни показалась женщина с нервным лицом. Она настороженно посмотрела на гостя.

– Здравствуйте. Я из джаз-клуба, – Ганичев протянул ей букетик.

Она не торопилась брать.

– У нас проходит джазовый фестиваль... – продолжал он, держа букетик в вытянутой руке.

– Спасибо, – холодно кивнула она, взяла цветы и тут же отдала их сыну.

Борис ушел с цветами в кухню...

– Мы хотели... – Ганичев замялся.

– Хотели пригласить? Я угадала? – язвительно проговорила она. – Нужно было думать раньше! Может быть, всего этого и не случилось бы! Вы забыли о нем!

Сын снова появился в прихожей.

– Мама... – успокаивающе обратился он к матери. – Проходите, пожалуйста, в комнату...

Ганичев зашел.

На самом видном месте висела большая фотография Бориса Решмина, играющего на трубе.

Ганичев скорбно покачал головой.

– Борис был прекрасным музыкантом...

– Хватились! – воскликнула она. – Где вы раньше были? Вы же его знали! При его гордости, впечатлительности, мнительности... Он не хотел навязываться, а вы не звали. Он никому не был нужен!

– Мама, он преподавал, – мягко заметил сын.

– Оставь! Он максималист, это не могло его удовлетворить. Вы погубили его! – бросила она Ганичеву.

– Я... я не знал всего... – Ганичев прижал руки к груди.

– Зачем вы пришли? – она впиалась в него взглядом.

– Мне поручили пригласить...

– Его не вернуть!.. Столько лет, столько лет! – она зарыдала.

Ганичев помог сыну усадить ее на диван. Сын сделал знак Ганичеву, чтобы тот молчал. Он принес воды из кухни и дал матери. Она отпила глоток.

– Боря дорог нам, – пробормотал Ганичев.

– Понимаю. Его вы пригласить не можете, – сказала она, сделав особое ударение на слове «его».

Ганичев вынул билет, положил на стол.

– Собирается старый состав Сокольникова...

Молодой Решмин встрепнулся, бросил взгляд на мать, потом на билет.

– И без него. Кто бы мог подумать! Нет, я не верю! – она снова заплакала.

– Простите, – Ганичев мялся, не решаясь задать последний вопрос, но уйти так тоже не мог. – Я знаю, что вы продали его трубу. Зачем вы это сделали?

Сын сделал страдальческое лицо. Незаметно от матери он пытался показать Ганичеву, что говорить об этом не нужно.

– Ах, вам это известно? – холодно отреагировала она, вскинув голову. – Это лично мое дело!

– Да, конечно... И все же... – с сомнением сказал Ганичев.

– Я не могла на нее смотреть! Она мне мешала, мешала, мешала! Она – это он! Сначала я надеялась, что он вернется. Но теперь это прошло. Надежды нет.

– Вернется? – ошеломленно спросил Ганичев. – Он ведь... умер...

– Умер?! – вскрикнула она. – Боря умер?!

– Кто вам сказал? – испуганно спросил сын.

– Да вы... Труба... – Ганичев смешался. – Человек, которому вы продали трубу. Он сказал, что купил у вдовы, – наконец объяснил он.

– О господи! – она уронила руки. – Как вы меня напугали! Я его обманула. Мне не хотелось говорить, что Борис ушел.

– Значит... он жив? – Ганичев почти лишился чувств.

– Конечно, жив. Прекрасно жив, – сказала она со злостью. – Мы расстались в прошлом году. Я готова была бедствовать с непризнанным музыкантом, но с признанным дельцом...

– Мама, это не так! – воскликнул младший Решмин.

– Так, – спокойно кивнула она.

Ганичев раскланялся.

Он вышел на лестничную площадку. Сын Решмина шел за ним.

– Я вас провожу... Не слушайте ее, она сгоряча... – он торопился сказать. – У них все сложно. Отец три раза уходил, потом возвращался, а сейчас она трубу продала... Она сама простить себе не может! Он же для нее гениальный музыкант. Понимаете? Чем хуже, тем лучше, понимаете?..

– А ты играешь? – спросил Ганичев.

– Играю. Мать не знает. Хватит ей одного музыканта, – усмехнулся Борис. – Трубу она зря продала. Ничего, купим!

Они пожали друг другу руки.

Джазовый теплоход попал в шторм. Верхнюю палубу заливало водой, но музыканты играли – мокрые, веселые – играли с бешеным азартом, выплевывая из труб фонтаны воды.

Ганичев потерянно брел по городу, направляясь к кафе, где должен был состояться заключительный джем-сейшн джазового фестиваля. Он не знал, что ему делать.

У самых дверей «стекляшки» его окликнули:

– Юрик!

Он обернулся. Перед ним стоял писатель Банькович с футляром контрабаса. Банькович улыбался ему, как доброму знакомому.

– А-а... Это вы... – сказал Ганичев вяло.

– Я! Я! Я пришел! – воскликнул Баня, удивляясь самому себе. – Вы видите – я пришел!

– И напрасно, – сказал Ганичев.

– Что? – удивленно вскинул брови писатель.

– Нет, ничего...

И тут с противоположной стороны улицы раздался пронзительный крик:

– Баня!!!

Банькович оглянулся. К нему спешили Кротов и Люси. Они были при полном параде – причесанные, отутюженные. Они светились.

– Подержите контрабас, – Баня сунул инструмент Ганичеву, и через секунду они уже сжимали друг друга в объятиях – все трое.

Ганичев стоял, печально глядя на эту встречу, которую он подготовил, и не чувствуя никакой радости. Стоял, как двадцать лет назад, на посту у Баниного контрабаса.

Внезапно возник Герасимов с футляром саксофона. Снова объятия, поцелуи, смех...

– Мальчики, мальчики... – повторяла Люси, вытирая платочком слезы.

– Люси, ты совсем не изменилась, – пробормотал писатель, что было явной, но прости-тельной ложью.

– Мужики, требуется банджо, – сказал Кротов. – Мое в ремонте.

– А что, тряхнем стариной! – воскликнул Баня.

– Есть ли, чем трясти... – с сомнением заметил Герасимов.

Менделев появился незаметно за спиной Бани – в кроссовках, в легкой молодежной курточке, с длинными седыми волосами. Вдруг раздался его печальный вопрос:

– Я сюда попал или я не сюда попал?

– Мендель! – Кротов стукнул его в грудь и бросился на шею.

– Ай да Илья! Посмотрите на него! – смеялась и плакала Люси.

– Юрик, вы Бориса нашли? – вдруг спросил Баня.

Все разом смолкли, посмотрели на Ганичева. Тот неуверенно переминался у контрабаса.

– Он в командировке, – сказал Ганичев, отводя глаза.

– Э-эх! – воскликнул Кротов.

– Без Бори не сыграть, – сказал Герасимов. – Обидно.

– Мендель, ты не можешь достать банджо? – спросил Кротов.

– Раз плюнуть, Витек. Только зачем?

– Играть буду.

– Вытяни вперед руки. Так. Закрой глаза, – скомандовал Менделев. Кротов выполнил команды. – Видите? Типичный тремор, – указал он трясущиеся пальцы Кротова.

– Сам ты тремор! – закричал Кротов.

– Попрошу без намеков, – сказал Менделев.

Они рассмеялись, пошли ко входу в кафе, на ходу доставая билеты. Ганичев нес за ним контрабас.

В фойе уже было полно народу, новые гости входили с улицы. Многие были с инструментами. Торговал буфет. По стенам висели газеты и информационные бюллетени джаз-клуба, возле них толпились, читали. То там, то здесь вспыхивали дружеские приветствия.

Музыканты первого состава Сокольниково вошли кучно, робея – как-никак они не показывались в этом мире уже давно. Посматривали по сторонам, волновались, наблюдая родное, но почти забытое. Их никто не узнавал.

Люси уселась за столик у буфета, куда подвел всех Ганичев. Он понял их состояние, старался помочь.

– Располагайтесь... Пожалуйста.

Рядом с Люси уселся Баня. Остальные продолжали стоять, оглядываясь по сторонам.

– Я сейчас, – сказал Ганичев.

Он отправился искать Сокольниково. Прошел через людное фойе, вошел в зал, где заканчивали накрывать столы. В глубине зала виднелась низкая эстрада с микрофонами и аппаратурой. Там готовились к джему музыканты, среди них – Сокольников.

Ганичев подошел к нему.

– Алексей Дмитрич!

– Ну? – строго обернулся к нему Сокольников.

– Все пришли. Как один, – доложил Ганичев.

– Пришли?!

У Сокольниково гора с плеч свалилась. Все эти дни он думал о том, придут или не придут на его зов бывшие музыканты, мучался этим – и вот пришли!

– Молодец, Юрик! – он обнял Ганичева в порыве чувств, но тут же взял себя в руки. – Ну, я их помариную! Пускай потомятся.

– Алексей Дмитрич... – развел руками Ганичев.

– Людей надо воспитывать. У вдовы был?

– Был.

– Придет?

– Не знаю... – замялся Ганичев.

Но тут Сокольниково отвлекли, он пошел настраивать аппаратуру, а Ганичев возвратился в фойе.

Рядом со стойкой буфета расчехляли инструменты трое: трубач, кларнетист, тромбонист. Начали пробовать звук, подстраиваясь друг к другу. Толпа расступилась полукругом, поняв, что они собираются играть.

– Банджо есть? – крикнул трубач в толпу.

– Есть! – сорвался с места Кротов.

– Сиди! – цыкнула на него Люси, но поздно. Кротов выскочил к музыкантам.

– Я сыграю!

– А инструмент?

– Мендель, я же просил тебя! – в отчаянии крикнул Кротов.

И тут же, откуда ни возьмись, появился сияющий Менделев с банджо на вытянутых руках.

– Помни про тремор, – шепнул он Кротову.

– Иди ты!

– «Олл оф ми» знаешь? – спросил трубач Кротова.

– Ну!

– Поехали.

Они заиграли. Кротов старался. Он побледнел, закусил губу.

Люси в волнении смотрела на мужа. Да и все «бывшие» волновались, как бы оценивая свои собственные возможности: смогут ли сыграть сегодня.

В толпе перешептывались любители.

– Кто это на банджо?

– Первый раз вижу.

– Мальчишки! – бросил кто-то. – Это же Витя Кротов.

– Да ты что! Кротов давно сгинул.

– Кротов это, факт. Послушай звук.

Началась импровизация тромбона. Трубач отнял инструмент от губ, шепнул Кротову:

– Лажаешь, старичок.

– Сейчас, сейчас... – у Кротова пот выступил на лбу. Он играл, мучительно вспоминая прошлое.

– Вот так лучше, – сказал трубач.

Ганичев, поначалу наблюдавший за Кротовым с тревогой, улыбнулся с облегчением. Понял: музыка в пальцах осталась.

Из зала вышел распорядитель.

– Стоп! Стоп! Что за самодеятельность? – накинулся он на музыкантов. – Наиграетесь. Целая ночь впереди. Прошу всех в зал! Занимайте места согласно билетам!

Публика повалила в зал.

Гостей встречал приветственным маршем диксиленд Сокольников на эстраде.

Ганичев усадил «бывших». Им достались места за предпоследним от эстрады столиком.

Закончив марш, Сокольников со своими музыкантами занял место за ближайшим к эстраде столиком. Назад он демонстративно не смотрел.

– Юрик, вы сказали Леше, что мы пришли? – обеспокоенно спросил Баня.

Ганичев поежился. Ему не хотелось никого огорчать.

– Да... То есть нет. Он еще не знает.

– Хоть бы башку повернул! – сказал Кротов.

– Генерал... – заметил Герасимов.

– Леха! Сокольников! – крикнул Кротов, но его крик утонул в общем шуме.

– Не надо кричать. Он прекрасно все видел, – тонко улыбнулся Менделев.

Вокруг рассаживались, произносили первые тосты...

На эстраду взошел распорядитель.

– Начинаем наш традиционный джем-сейшн, посвященный закрытию фестиваля «Осенние ритмы». Первое слово Костюшкину... Он вчера саксофон новый купил... Миша, давай! Сам скажешь, с кем будешь играть.

– Миша, со мной! – крикнул кто-то.

На эстраду поднялся Костюшкин с саксофоном. Подошел к микрофону и, вглядываясь в зал, принялся выбирать себе партнеров.

Он называл их, и они выходили на эстраду с инструментами.

Джем начался!

Чувствовалось, что все друг друга хорошо и давно знают – со всеми слабостями и недостатками. После импровизаций хлопали, свистели, обменивались одобрительными возгласами. Кто-то сидел, погрузившись в свои думы. Давно не видевшиеся друзья разговаривали, отрезвившись от всего. Жены и возлюбленные музыкантов были активны, чокались, смеялись, звали кого-то...

Ганичев незаметно куда-то исчез, оставив гостей одних.

А на эстраде была непрекращающаяся музыка. Одна тема сменяла другую, выходили новые музыканты, менялись составы, стили, направления.

«Бывшие» тоже узнавали старых коллег. За их столиком то и дело вспыхивало:

– Смотри, это же Мысовский!

– А это кто? Знакомое лицо.

– Канунников, ей-богу!

Однако постепенно, по мере нарастания экспрессии концерта, гости становились сумрачнее. Они явно чувствовали себя не в своей тарелке. Точнее всех выразил общее настроение Банькович:

– В чужом пиру похмелье.

– Точно! – сказал Кротов. – Сидим как дураки.

– Надо пойти и сказать Леше, что мы тут, – предложила Люси.

Идти никто не хотел – побаивались.

– Мендель, пойдись! – сказал Кротов.

– Вы шутите, – печально улыбнулся Менделев. – Леша спросит: «Где ты играешь, Мендель?» И что скажет Мендель? Что он играет с подростками рок-н-ролл?

На эстраде появился ансамбль Голощекина.

– Додик, смотри! – воскликнул Кротов.

– Олешка, пойдись ты. Ты самый солидный, – сказала Люси Бане.

– Почему мы вообще должны подходить первыми? Он нас пригласил! Он хозяин! Это бестактно, в конце концов! – возмутился тот.

Сокольников по-прежнему не поворачивал головы. Казалось, он затылком чувствовал, что происходит за его спиной в другом конце зала.

Дотоле немногословный Герасимов утер салфеткой губы.

– Спасибо, ребята. Рад был всех повидать. Мне далеко ехать.

– А сыграть?! – взвился Кротов.

– Витя, оставь фантазии. Ты же видишь. Он не хочет нас замечать.

Кротов затравленно оглянулся по сторонам.

– Где этот Юрик?!

Ганичева не было видно.

– Сядь! – заорал Кротов Герасимову так, что за соседними столиками удивленно обернулись на них.

Кротов вскочил со стула и решительно направился к эстраде. Остальные, затаив дыхание, наблюдали за ним.

Кротов подошел к Сокольникову, наклонился и что-то сказал. И вдруг они увидели, как поднялся Алексей Дмитрич, как обнял и расцеловал Кротова, как они, смеясь, принялись хлопать друг друга по спинам.

Голощекин приветственно помахал им со сцены.

– Уфф! – вздохнул Баня.

Люси промокнула глаза платком.

А Ганичев в это время находился в фойе, у стойки буфета, куда он сбежал, чтобы не присутствовать при этой драме. Сюда доносилась музыка из зала. Ганичев сидел перед рюмкой коньяка, глубоко задумавшись.

Он выпил коньяк, придвинул рюмку буфетчице.

– Повторите, пожалуйста.

– Юрик, да чего стряслось-то? На тебе лица нет, – сказала буфетчица.

Ансамбль Голощекина продолжал играть. Как всегда, элегантный, в синем костюме с золотыми пуговицами, Голощекин импровизировал на флюгельгорне. Он увидел, как в конце

зала Сокольников обнимается со своими музыкантами, как Сокольников усаживается к ним за столик.

Голощекин взял скрипку и заиграл медленную блюзовую тему. Скрипка рыдала.

Под стать было настроение за гостевым столиком. После объятий, смеха, приветствий и первых расспросов здесь воцарился траур: Сокольников сказал о смерти Бориса. Они молчали, не чокаясь, выпили и теперь сидели, думая каждый о своем, пока рыдала скрипка.

Сокольников встал и направился к распорядителю вечера.

Тот в углу вел переговоры с официанткой, проверяя счет.

– Саша, я сегодня играю старым составом, – сказал Сокольников.

– Вот это дело! – обрадовался тот. – Сюрприз. А я смотрю – они или не они?

– Они, – кивнул Сокольников. – Все, кроме Бориса. Мы хотим сыграть в его память.

Распорядитель оторвался от денег, вытаращил глаза.

– В чью память?

– Решмина.

– С чего ты решил, что он умер? Я его позавчера видел...

– Где?! – оторопел Сокольников.

Ганичев пытался объяснить буфетчице ситуацию.

– Понимаете, Фаина Петровна, мы думали, что он умер, а он не умер...

– Так радоваться надо!

– Так-то оно так... – вздохнул Ганичев.

Из зала выскочил разъяренный Сокольников. Увидев Ганичева, зарычал и бросился к нему.

– Ты знал?! Знал?!

Ганичев поспешно сполз с высокого табурета и бросился наутек.

Они бежали по длинному пустому коридору. Сокольников, нагоняя, пытался ударить Ганичева ногой по задку, но промахивался.

– Я тебе покажу! Лгун!..

– Алексей Дмитрич! – пищал Ганичев.

– Я тебе покажу, как живых людей хоронить!

А джазовый теплоход плыл уже по ослепительному горному озеру с чистой прозрачной водой, в которой отражались снеговые пики гор. На палубе музыканты в строгих костюмах играли что-то торжественное.

Лица у всех были серьезны и немного печальны.

Здесь был весь состав Соколькова, включая трубача.

Поговорив со швейцаром у входа в ресторанный зал, Сокольников двинулся к свободному столику у окна. Ганичев последовал за ним. Весь его облик говорил о том, что ему страшно не хочется участвовать в этом деле.

Сокольников сел, развернул меню.

– Ты только не вякай, – предупредил он Ганичева.

В дверях кухни показался официант средних лет.

– Он, – шепнул Ганичев.

– Вижу.

Решмин привычно двинулся к столику, но за несколько метров замедлил шаг: он узнал бывших друзей. Однако, взяв себя в руки, профессионально подобрался и подошел к ним.

– Я вас слушаю.

Сокольников смерил его взглядом. Они встретились глазами. Последовала пауза.

- Принеси-ка нам, братец, водки и селедки.
- Попрошу на «вы», – тихо, но твердо сказал Решмин.
- У нас сегодня поминки, – будто не слыша, продолжал Сокольников.
- Больше ничего не желаете? – бесстрастно проговорил Решмин.
- Нет. Ступай.

Решмин отошел.

- Халдей! – отрубил Сокольников.

Заиграл ресторанный оркестр, публика потянулась танцевать.

– Лучше бы он здесь играл! – в сердцах кивнул в сторону оркестра Сокольников. Он сам себя заводил.

Подошел Решмин – подчеркнуто прямой – с подносом, на котором стояли графинчик и закуска. Сокольников смотрел на него тяжелым презрительным взглядом.

Решмин выставил закуски, разлил водку в маленькие рюмочки.

- Помянем, Юрик, хорошего музыканта, – поднял свою рюмку Сокольников.

Ганичев неохотно потянулся к рюмке.

- Я могу быть свободен? – холодно спросил Решмин.

- Нет, погоди... Не чокаемся, Юрик.

Он выпил. Ганичев выпить не решился, вертел рюмку за ножку. Решмин ждал.

- Настоящий был трубач... – продолжал Сокольников.

- Алексей, что ты от меня хочешь? – тихо проговорил Решмин.

– Я все мог понять, Юрик, – Сокольников подчеркнуто обращался только к Ганичеву. – Сбежал от друзей, из дому, устал... Но чтобы музыкант трубу продал.

Решмин кошкой кинулся на него, вцепился в грудь.

- Не продавал я трубы!

Метродотель с озабоченным лицом засеменил к столику.

- Решмин! Опять двадцать пять!

- Отойдите! – прикрикнул на него Сокольников. – Сами разберемся... Сядь, Боря.

Метродотель испуганно отошел.

Решмин продолжал стоять.

- Сядь, говорю!

- Не положено, – он вскинул голову.

– У-у, характер! – погрозил ему кулаком Сокольников. – Трубу твоя жена продала. Вернее, вдова. Так она себя назвала.

- Вдова? – Решмин вздрогнул.

- Да, представь. Мы тебя уже похоронили.

Решмин побледнел, стиснул зубы. Сказал с усилием:

- Как видишь, я не умер.

- Лучше б ты умер! – вырвалось у Сокольникова.

- Тебе лучше знать, – криво усмехнулся он.

– Откуда у тебя столько гонору?! – корил Сокольников. – Все от него. Говорил я тебе тогда: пропадешь...

Сокольников был отходчив, уже готов был простить.

- Не пропаду, – упрямо сказал Решмин.

- Ты уже пропал. Я же знаю, что такое для тебя музыка!

- Кончилась наша музыка! – окрылся Решмин. – В нас молодость играла, а не музыка.

А что дальше? Ни здесь нет, – Решмин пошевелил пальцами, будто играя на трубе. – Ни здесь! – он постучал себя по лбу. – И дела другого тоже нет. Значит, плюнуть и забыть! Черт с ней, с трубой!.. Так что получается, я честнее, чем ты, поступил, Алексей...

Сокольников слушал добродушно. Разлил из графина водку.

– Выпьешь? – спросил он.

– Я на работе.

– Ну, твое здоровье. С воскресеньем!

Сокольников выпил, не спеша закусил огурцом.

– А музыку нашу не трогай, – сказал он. – Пока я сам от нее не отказался, она при мне...

Подумай.

– Ты полагаешь, что я мало думал? – заносчиво проговорил Решмин.

– Ладно... Сколько с меня? – Сокольников снова начал сердиться.

– Я угощаю, – осклабился Решмин.

– Тьфу!

Сокольников бросил на стол десятку и встал.

Сердобольный Ганичев незаметно подсунул под тарелку пригласительный билет и последовал за шефом.

Решмин смотрел, как они уходят.

В кафе продолжался концерт. Уже перемешались за столиками все гости, а сами столики были частью сдвинуты вместе, частью отодвинуты в сторону, так что образовалось место для танцев, где в манере пятидесятых годов танцевали три-четыре пары.

Баня сидел рядом с Люси, они о чем-то тихо разговаривали. Кротов увлеченно репетировал на банджо, подыгрывая музыкантам на сцене. Герасимов скучал. Менделев обменивался адресами со старым приятелем.

– Где же Леша? – сказал Герасимов, взглянув на часы.

– А куда он поехал? – спросил Баня, оторвавшись от разговора.

Герасимов пожал плечами.

Наконец в зал решительной походкой вошел Сокольников. Ганичев едва поспевал за ним. Сокольников был бодр и весел. Приветственно помахал кому-то, обнял, проходя, Кротова за плечи.

– Ребята, готовьтесь...

И прошел к эстраде.

Ганичев увидел в стороне за столиком жену Решмина с сыном. Они сидели, отъединенные от всех. Лицо жены было строгим, глаза сына сияли. Ганичев поклонился им. Жена Решмина кивнула в ответ.

Кончил играть очередной состав, и распорядитель поднялся к микрофону.

– Внимание!... Коля, я тебя слушал, послушай меня, – обратился он к кому-то в зале. – А сейчас в программе нашего джема – сюрприз. Алексей Сокольников и его ансамбль!

Присутствующие недоуменно переглянулись: какой же это сюрприз? Все сто лет знают. Сокольников вспрыгнул на эстраду с тромбоном и поднял руку. Наступила тишина.

Молодые музыканты нынешнего состава Соколькова готовили инструменты, собираясь идти на эстраду.

Последовала пауза. «Бывшие» впились глазами в своего руководителя. Они заметно волновались.

– Баня... – сказал наконец Сокольников и протянул руку по направлению к Баньковичу. В голосе его прозвучала нежность.

Баня подхватил контрабас и пошел к эстраде.

– Витя Кротов, пожалуйста, – приглашал Сокольников. – Мендель... Гена... Люси, прошу...

Музыканты шли к эстраде.

Ганичев смотрел на них, закусив губу.

И тут зал понял. Кто узнал старых музыкантов, кто догадался, кто успел услышать быстрый шепот:

– Это же первый состав...

Под гром аплодисментов музыканты заняли свои места на эстраде. Они отвыкли от приветствий, неловко кланялись, улыбались.

Сокольников снова поднял руку, требуя тишины.

– Как видите, не прошло и двадцати лет... нам не хватает трубача. В нашем составе играл Борис Решмин, но он...

Сокольников вздохнул, остальные музыканты потупились. Всем стало понятно, что Решмина больше нет. Алексей Дмитриевич уже хотел было назвать трубача своего нынешнего состава, он протянул к нему руку, а тот с готовностью сжал трубу в кулаке, как вдруг перед эстрадой появился сын Решмина.

– Можно я сыграю? Я Борис Решмин, – сказал он.

И в этот момент, не замеченный никем, в зал вошел его отец в мокром плаще, с мокрыми слипшимися волосами. Он остановился у входа.

– Становись с нами, – сказал младшему Решмину Сокольников.

Он подозвал трубача, взял у него инструмент и протянул юноше. Тот встал в центре, как и подобает трубачу.

Мать смотрела на него. Смотрел отец.

– Мы сыграем эту пьесу в память всех ушедших музыкантов, – сказал Сокольников.

И все встали.

В напряженной звенящей тишине Люси вывела первую фразу охрипшим от волнения голосом.

– О вен зе сейнз, гоу мачин и-ин...

Подхватили тему инструменты – медленно сдержанно. Кто-то негромко начал подпевать в зале, его поддержал другой голос, третий. Пел весь зал.

Не пели только двое – жена Решмина и он сам. Решмин стоял бледный, с каменным лицом и плотно сжатыми губами. Его друзья играли, может быть, не так умело, как в молодости, но теперь они говорили не о будущей жизни, а о прожитой.

Мелодия набирала силу, темп, люди стали улыбаться. Хор смолк, остались одни инструменты, которые повели свой разговор дальше, все с большим азартом и надеждой...

А что же Ганичев?.. Ганичев плакал, рыдал, как ребенок, не скрывая своих слез. Этого момента он ждал двадцать лет – и дождался!

И представлялось ему горное, чистое, как хрусталь, озеро – и теплоход, уткнувшийся носом в берег. А на берегу, на лугу, покрытом весенними маками, лежали музыканты со своими инструментами и возносили звуки прямо в высокое небо.

И когда появилась надпись «КОНЕЦ ФИЛЬМА», музыка остановилась на мгновение... и грянула с новой силой!

Филиал

Сценарий х/ф

АВТОР. Пускай они сами рассказывают. Там у них черт ногу сломит. Так все запуталось, что за какую ниточку ни потянуть – непременно кого-нибудь обидишь, а люди все до чрезвычайности милые, несправедливо будет их обижать. Да в сущности, они ни в чем и не виноваты...

РУМЯНЦЕВ. Я шел устраиваться на работу как молодой специалист. Я и вправду, молодой, мне двадцать четыре года. Все впереди. Я с надеждами шел, хотел горы своротить.

Дом нашел не сразу. Он ничем не выделялся в ряду старых домов постройки начала века. Не верилось, что здесь располагается солидное учреждение, точнее, его филиал.

Издали заметил молодую мамашу. Она безуспешно пыталась затолкать в подъезд детскую коляску. Пружинная дверь сопротивлялась. Я поспешил на помощь.

У дверей подъезда увидел стеклянную табличку, удостоверяющую, что здесь находится филиал НИИ. В скобках было уточнение: лаборатория НОТ.

НОТ – это научная организация труда.

Мамаша подозрительно на меня глянула, но поняла, что я бескорыстно. Вместе мы вкатили коляску в подъезд. Там был полумрак. Вверх уходила широкая лестница.

– Спасибо, – произнесла мамаша.

– Я вам помогу, – предложил я.

Она недоверчиво улыбнулась, но ухватилась за ручку коляски. Я подхватил с другой стороны, и мы потащили коляску наверх.

– Мальчик или девочка? – спросил я, отдуваясь.

– Не все ли равно? – философски заметила она.

– Пожалуй, вы правы, – отвечал я вежливо. – Разницу начинаешь замечать лет через двадцать.

– У вас такой опыт? – она насмешливо.

– Мама говорила.

Так мы и тащили – она впереди, пятясь, а я сзади. В коляске спал малыш в возрасте около года. Никаким филиалом пока не пахло.

– На каком этаже лаборатория? – спросил я.

– На третьем. Вы к кому?

– На работу устраиваться.

– А-а... – протянула она несколько загадочно.

Мы остановились на площадке третьего этажа.

– Спасибо, – сказала она, доставая ключи. – Вам тоже сюда.

И она указала на дверь. С виду в ней не было ничего необычного, если не считать такой же стеклянной таблички, как внизу. Сверху латунный надраенный номер 19, с правой стороны – набор разнообразных кнопок с фамилиями и без, как в обычной коммуналке.

Мамаша отперла дверь и вкатила коляску в квартиру. Я вошел следом.

Передо мною открылась просторная прихожая, по которой неторопливо прогуливался кот. Прихожая больше походила на танцзал с огромным, от полу до потолка, зеркалом, вделанным в простенок против двери. Интерьер являл собою странное сочетание учрежденческого и коммунального быта. Висела Доска почета, стояло в углу переходящее красное знамя, но тут же рядом висел на крюке велосипед. Угол прихожей занимали развешанные на веревке пеленки.

Но главное было не в этом. Сразу за дверью, справа, за старинным столиком с изогнутыми ножками и телефоном сидела пожилая вахтерша в форме стрелка ВОХР. Она пила чай.

– Пропуск, – сказала она, когда мы вошли.

– Анна Семеновна, да сколько ж можно! – возмутилась мамаша. – Туда – пропуск, обратно – пропуск!..

– Ничего не знаю, Катенька. Сергей Ефимович требует, – сочувственно отозвалась вахтерша.

Катенька полезла в карман коляски и вынула два пропуска. Разом раскрыла их и протянула вахтерше. На одном была ее фотография, на другом – младенца с соской.

– Я вам халвы купила, – сказала Катя, пряча пропуска.

– Вот спасибо. Сколько с меня?

– Рубль сорок семь.

Катя положила на стол сверток халвы, вахтерша отсчитала деньги. Я терпеливо ждал. Катя повезла коляску в глубь квартиры.

– А этот?.. С тобой, что ли? – спросила вслед вахтерша, кивнув на меня.

– Нет, он к вам, – Катя даже не обернулась.

– Я к товарищу Шляхману. – сказал я.

– Фамилия?

– Румянцев. Петр Васильевич Румянцев.

Она выдвинула ящичек, принялась рыться в бумагах. В это время в прихожей возникла пожилая дама интеллигентного вида, одетая по-домашнему. В руках у нее была дымящаяся джезва. Дама приостановилась, взглянула на меня.

– Добрый день...

– Здравствуйте, – кивнул я.

– Вы делец или жилец? – спросила она с некоторой надменностью.

– Простите, не понял...

– Делец он, делец! – с досадой воскликнула вахтерша. – Разве не видать? Где же у меня список, ах ты господи!

– Ах, значит, вы делец... – протянула аристократическая старуха. – Меня зовут Виктория Львовна. Заходите на кофе.

– Спасибо... – пробормотал я.

– Делать им нечего. На кофе... – проворчала вахтерша.

Она нашла бумажку и водрузила на нос очки.

– Как фамилия?

– Румянцев.

Старуха плавно удалялась по коридору. Кот шел за нею. Она пропустила его в комнату и исчезла за дверью, успев одарить меня покровительственным взглядом.

– Румянцев... – вахтерша поставила галочку. – Только Сергея Ефимовича нету. Он в исполкоме.

– Чего же вы мне голову морочите? – разозлился я.

– А вы идите к Горгоне Михайловне. Это все одно. У нас что Сергей Ефимович, что Горгона Михайловна – это все одно.

– Кто она?

– Зам Сергея Ефимовича. По коридору налево.

Я двинулся по коридору, точно разведчик во вражеском тылу. Не успел ступить двух шагов, как приоткрылась дверь ванной и оттуда выглянула хорошенькая женская головка, обмотанная полотенцем.

– Анна Семеновна, не приходил? – спросила она вахтершу пугливым шепотом.

– Нет. Давай быстрее! – так же шепотом отозвалась вахтерша.

– А Горгона?

– У себя.

Женщина с тюрбаном пулей вылетела из ванной, успев улыбнуться мне чуть-чуть заискивающе, и кинулась по коридору прочь. Она была в халате и банных резиновых шлепанцах. Оставляя мокрые следы, она добежала до какой-то двери и юркнула в нее, как мышка.

Я пошел дальше и постучал наугад в дверь по левую сторону.

– Заходи, не стесняйся! – отозвался хриплый женский голос.

Я заглянул. В большой жилой комнате, тесно заставленной разномастной мебелью, сидела за столом женщина лет сорока с грубым лицом и строчила на швейной машинке.

– Вы Горгона Михайловна? – робко спросил я.

– Следующая дверь, – она мотнула головой, не переставая крутить ручку машинки.

Я отворил следующую дверь. Там был небольшой учрежденческий кабинет с унылым набором: шкаф, стулья, письменный стол. За столом сидела начальница в строгом костюме. Перед нею стояло зеркальце. Начальница примеряла детский слюнявчик с цыпленком. Увидев меня, она молниеносно сорвала слюнявчик с груди.

– Вы ко мне? Почему без стука?!

– Извините, – сказал я. – Мне нужна Горгона Михайловна.

– Я вас слушаю.

– Я Румянцев. Мы договари...

– Я в курсе. Трудовая книжка при вас?

Я протянул трудовую книжку. Она раскрыла ее и стала листать. Но, как видно, ее больше интересовало происходящее в коридоре, откуда донесся звук шагов. Она отбросила книжку и подбежала к дверям, вся обратившись в слух.

– Вода. Вам не кажется?

– М-м... – промычал я.

– Вы не заметили в коридоре ничего подозрительного? – тихо спросила она.

Для меня здесь все было подозрительным, поэтому я опять пожал плечами.

– В районе ванной, – уточнила она.

– Да нет... Девушка какая-то мылась...

– Ага! – ее глаза вспыхнули. – За мной! Вы будете свидетелем.

И она бросилась вон из кабинета, увлекая меня за собой.

КАТЯ. Главное в воспитании ребенка – это делать все по режиму. Вот сейчас мы пришли с гулянья, переоделись и до обеда у нас с Митенькой культурная программа. Я читаю ему сказки. Он стоит в кроватке, вернее, прыгает, уцепившись ручками за оградку, и таращит на меня свои глазенки. Очень похож на Володю, но Володя даже никогда не узнает об этом. Это решено.

– Слушай дальше... Вот бежит мышка, вошла в эту рукавичку и говорит: «Тут я буду жить». А в это время лягушка – прыг-прыг! – спрашивает: «Кто, кто в рукавичке живет?» – «Мышка-поскребушка. А ты кто?» – «А я лягушка-попрыгушка. Пусти и меня!» – «Иди». Вот их уже двое...

За стеной загудело.

– Слышишь, Митенька? Это фен... Скажи: фен... Тетя Люся опять ванну принимала в рабочее время. Никогда так не делай!

ЛЮСЯ. Люблю ходить по острию бритвы! Это упоительно!

Фен в одной руке, он гудит. Волосы еще мокрые. Другой рукою застегиваю последние пуговицы. Все это я проделываю в бешеном темпе, как солдат по боевой тревоге. Я стою за

занавеской, которая отгораживает угол нашей комнаты, где мы обычно пьем чай, примеряем наряды и занимаемся косметикой. Занавеска от фена развеивается, как знамя.

Наши девушки по ту сторону наверняка сейчас за меня болеют, как на стадионе. Девушки – это наши сотрудницы Ира, Нина и Ксения Дмитриевна. Последняя уже далеко не девушка, ей скоро на пенсию, но так уж мы друг друга называем. Она, кстати, в душе меня осуждает, я знаю. Но не выдает.

- Люська, быстрее! – зовет Ира.
- С огнем играет... – голос рассудительной Нины.
- Я не понимаю... – вздох Ксении Дмитриевны.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА. Первым делом я осмотрела место преступления, то есть ванную комнату. Налицо явные улики: колонка теплая, воздух повышенно влажен, зеркало запотело. Я обратила на это внимание Петра Васильевича.

– Видите?

Мы вышли из ванной, и я обратилась к вахтерше.

– Кто сейчас мылся, Анна Семеновна?

– А я почему знаю. Я за этой дверью смотрю, за той не смотрю... Дельцы не мылись.

Я направилась в лабораторию женщин. Новичок покорно шел за мной. Несомненно, симпатичный молодой человек.

– А почему дельцы? – спросил он несмело.

– Ах, глупости! Ненавижу это слово. Придумают тоже! Те, кто живут, – жильцы, а кто работает, делом занимается, – дельцы. Понимаете?

– Понимаю...

ЛЮСЯ. Только бы успеть! Вылетаю из-за занавески, мчусь к своему столу, плюхаюсь на стул, успеваю открыть план социального развития отрасли, хватаю карандаш...

...И в эту же секунду появляется Горгона. У меня невинные глаза. Девушки еле сдерживаются. Успела! Горгона понимает, что проиграла. Свирепо смотрит на меня. За нею вваливается незнакомый молодой мужик. Симпатичный, но сразу видно, что тюфак.

Вопросительно смотрим на Горгону.

– Разрешите представить нового сотрудника, – говорит она медовым голосом. – Петр Васильевич Румянцев, специалист по вычислительной технике.

– У нас разве есть вычислительная техника? – ехидно спрашивает Ксения.

– Нет, так будет, – отрезает Горгона.

Она приближается к нам, улыбаясь. Хочет представить этому хмырю. Много чести!

– Ксения Дмитриевна, наш старейший сотрудник...

Ксения, конечно, взвизгивает.

– Мы же с вами выяснили. Вы – старейший, Горгона Михайловна.

– Два месяца туда-сюда. Пустяки, – Горгона идет к Ире.

– Ирина Петровна, лаборант...

Ирка молодец! Вскрикивает и делает книксен.

– Нина Александровна, инженер по технике безопасности.

Нина скромно кивает. Горгона перемещается ко мне. Ох, не нравится мне это!

– Наш социальный психолог Людмила Серге... А почему у вас волосы мокрые? – внезапно обращается она ко мне.

– Да где же они мокрые? – я дотрагиваюсь до виска.

– Да вот же они мокрые! Вот! – и цап меня за волосы.

– И не мокрые вовсе, а просто... влажные.

– А влажные они почему? – шипит Горгона.

- От работы мысли, – бухает Ира.
- Мысли?! – взвизгивает Горгона и оборачивается к Ирине, как собака, которую дернули за хвост. – Молодой человек, подите сюда.
- Хмырь приблизился. Видно, что боится.
- Скажите, могут ли так повлажнить волосы от работы мысли? – она хватается его за руку и погружает ее в мою прическу. Этот эксперт чуть в обморок не падает.
- Вы принимали ванну! Не отпирайтесь!
- Неправда! – ору.
- Принимали ванну в рабочее время на рабочем месте! В ванной комнате следы мытья.
- Это жильцы, – парирую.
- Жильцы на работе.
- Это Виктория Львовна, – обороняюсь дальше.
- А то мы не знаем привычек Виктории Львовны! Ваш почерк... Петр Васильевич, вы видели, как эта дама принимала ванну?
- Правдолюбец закатывает глаза, вздыхает и говорит:
- Видел.
- Вы меня в ванной видели?! Ну знаете!.. – я вне себя от возмущения.
- Нет, я вас в ванной не видел. Вы оттуда вышли, – оправдывается он, не зная куда девать глаза.
- Я мыла руки! Я должна работать чистыми руками!
- И все-таки голова у вас влажная, – заключает Горгона. – Я вынесу вопрос на профсоюзное собрание.
- Выносите куда хотите.
- Пойдемте, Петр Васильевич.
- Они направляются к двери. Хмырь пытается взглядом попросить у меня прощения, но я игнорирую. Хлопает дверь.
- Шпиона нам только не хватало... – вздыхает Ира после паузы.

АННА СЕМЕНОВНА. Утром у нас ну прямо цирк, ей-богу!.. Вот уж попала в учреждение на старости-то лет. Хотя мое дело маленькое – пропуска проверять и проявлять бдительность.

Перво-наперво появились эти прошмандовки, сабуровские двойняшки Валька и Галька. Здоровые кобылы, уж замуж пора. Сегодня чуть ли не голышом, на ногах вязаные носки до колен, головы обмотали лентами, чтоб прическа не мешала. Одинаковые, как две капли молока, и такие же белые. Упитанные.

– С добрым утром, Анна Семеновна!

– Ну здравствуйте...

Включили музыку – не приведи Господь! – и сразу начали дергаться. Скачут, задницами вертят, стыдно смотреть. Пол ходуном. Называется аэробика.

И тут же в дверях Горгона, как назло. Показала пропуск честь по чести, кивнула.

– Анна Семеновна, почему танцы в служебном помещении?

А что я ей скажу? Попробуй им запрети.

– Это аэробика! – скачет Валька.

– Прихожая общая! – выдрючивается Галька.

– Я буду ставить вопрос.

– Ставьте! – разворачиваются и дергают задом.

Горгона пошла к себе – будто аршин проглотила. Принципиальная. Жалко ее. Никого у ней нет, одна служба.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА. Каждое утро с тяжелым сердцем прихожу к себе в кабинет, достаю журнал прихода и ухода, расписываюсь и начинаю ждать сотрудников. В прихожей гремит музыка. Можно ли так работать?..

А ловко у них получается. Интересно, смогла бы я? Надо попробовать. Вышла из-за стола, согнула руку в локтях – поехали! Ногу – раз! Вторую – два!

Вваливается Ксения Дмитриевна.

– Доброе... ох!

– Здравствуйте, – принимаю деловой вид, сажусь, придвигаю ей журнал.

Она расписывается, уходит.

Настроение безнадежно испорчено.

АННА СЕМЕНОВНА. Прибежала на работу Ирка, увидела девок.

– Ой, девочки, я тоже хочу!

– Пожалуйста! – отвечают.

Ирка куртку скинула, бросила на Каткины веревки и тоже давай скакать!

– Отметься хоть сперва, – говорю.

– Успею!

Явился Слава Бусиков, художник-оформитель. Славный мужчина, только толстый. Сложил руки на животе, губу выпятил, смотрит. А чего ж не смотреть, девки ядренные. Им бы рожать, а они скачут.

– Надо секцию организовать, – наконец вымолвил.

– Вот и займитесь. Вы же у нас культорг, – Ирка отвечает.

– Это дело физорга, – Бусиков сказал и ушел отмечаться к Горгоне.

Катюшка выкатила коляску с Митей, везет в ясли. Катюшка серьезная, не то что эти. Девки расступились в пляске, пропустили ее к двери. Показала пропуска – свой и Митенькин.

– Бусиков! – я кричу, чтобы музыку переорать.

Бусиков выглянул, сразу все понял, побежал помогать Катюшке спустить коляску вниз. По-моему, Бусиков к Катюшке неровно дышит.

Вот наконец и новенький явился, что вчера Люську заложил. Скромный по первости. Достал новенький пропуск. Девки еще шибче заскакали. Новый мужчина.

– Сперва зайдите к Горгоне Михайловне, – я наставляю. – Распишитесь в журнале, не то она вам прогул закатает.

Он бочком-бочком девок обошел. Оторвать глаз не может. Скромный, а туда же. Ирка на него смотрит, как стрекоза на лягушку.

– Имею право! – кричит. – Рабочий день еще не начался.

– Да я что... Пожалуйста, – он опешил.

Пошел по коридору и наткнулся на Сабурову. Она высунулась из своей комнаты с «Беломором» в зубах.

– Девки, кончайте задницами вертеть! Марш домой!

Посмотрела на новенького, будто прицениваясь. Он дальше пошлепал. Подошла ко мне.

– Новенький?

– Новенький.

– Женат?

– Вроде нет.

– А ты, Семеновна, точно узнай. Нам «вроде» не нужны... Я кому сказала! – на дочек.

Делать мне больше нечего, как ее прошмандовкам женихов ловить!

Девки удалились. Пришла Нина. А Люськи нет. Поди, опять опоздает.

И тут выплывает эта недорезанная буржуйка. В стеганом халате. Ей этот стеганный халат – как козе баян.

– Бонжур, – поет.
– Бонжур, чего ж не бонжур, – отвечаю.
– У вас по-прежнему хромает произношение, – огорчена.
– Мы гимназиев не кончали, – говорю нарочно.
– Помилуйте, какие гимназии! Мне же, слава богу, не сто лет. Домашнее образование плюс университет.
– А у меня минус университет. Шли бы вы, Виктория Львовна, ей-богу. Я на службе.
– Пардон... Куда ж я направлялась? Склероз.
Подошла к туалету, дернула ручку. А оттуда Сабурова орет:
– Ну кто это там?! Занято.
Ужасно огорчилась, ушла на цыпочках.
Где-то в квартире радио включили. Диктор сказал: «Передаем сигналы точного времени. Начало последнего, шестого сигнала соответствует девяти часам московского времени».
Стало пикать. А я уже его жду, красавца нашего.
С шестым сигналом отворилась дверь, и на пороге – наш начальник Сергей Ефимович. Явился – не запыхавшись. Отец родной.
– Доброе утро, Анна Семеновна.
– Доброе утро, Сергей Ефимович.
– Все в порядке, Анна Семеновна?
– Как всегда, Сергей Ефимович.
Бачок в туалете – буррр... Начальник туда покосился, но ничего не сказал, пошел к себе.
Сабурова из туалета вышла, злая, как ведьма.
– Я вас заставлю мыть места общего пользования! – говорит.

РУМЯНЦЕВ. Сегодня начальник ставил мне научно-производственную задачу. Это происходило в его кабинете, выходящем эркером на проспект. В эркере на мраморной черной колонне стоял бюст Гомера, тоже мраморный, но белый. Гомер смотрел куда-то вдаль слепыми глазами. На стене висела карта страны, разрисованная непонятными значками, струдившимися на Востоке.

На письменном столе – перекидной календарь, телефоны. Сбоку – устройство селекторной связи.

Сергей Ефимович, вооружившись указкой, стоял возле карты, как учитель географии.

– ...Наша отрасль – новая, растущая. Быстро растущая. Как видите, Петр Васильевич, основная масса предприятий расположена в Восточной Сибири. Далеко... – он обвел указкой значительную часть Якутии. – Наша задача – обеспечить отрасль обоснованными рекомендациями в области научной организации труда и создать автоматизированную систему управления отраслью. Системой будете заниматься вы.

– Один? – спросил я, глядя на бескрайние просторы Якутии.

– Почему один? Когда поставим вычислительную машину, у вас будет своя программистка. Вот съедут соседи, тогда мы развернемся!

В коридоре раздался крик: «И яичек захвати десятка два! – Ладно, захвачу...»

– Почему же они не съезжают? – спросил я.

– Не всё сразу. Очень многие уже выехали. В этой комнате, например, жил известный литературовед. Да вы его знаете... Забыл фамилию. Он занимался Вольтером, – указал он на Гомера.

– Разве это не Гомер? – спросил я.

– Да в этом ли суть? – воскликнул Шляхман. – Главное, он уехал, выполнил распоряжение исполкома. Молодец! Вольтера, правда, оставил нам, он прикручен намертво.

– А остальные?

– Тянут, – огорченно констатировал начальник. – У каждого свои причины. А мы ждать не можем, надо разворачивать работу. Отрасль должна трудиться по науке!

В коридоре снова послышались голоса: «Никто не видел плана социалистического развития? – Он в кухне, под супом...»

– Сергей Ефимович, а чем занимается отрасль? – спросил я.

– Видите ли, вопрос непростой, – замялся он. – Но я узнаю. Я непременно узнаю и скажу вам... Производим, надо полагать. Или строим... В крайнем случае, добываем. Но суть-то не в этом! Везде люди, которыми надо управлять научно... Я вам советую не обращать внимания на досадные мелочи, а сразу же включаться в работу. Сейчас будем думать, как мы вас посадим.

– Посадим? – вздрогнул я.

– Я имею в виду рабочее место, – улыбнулся он.

Сергей Ефимович щелкнул селектором и сказал в микрофон:

– Горгона Михайловна, зайдите, пожалуйста.

– Я не Горгона Михайловна, я Виктория Львовна, – раздался голос динамика. – Все равно зайти?

– Нет, не надо. Извините! – он переключил тумблер. – Горгона Михайловна?

– Я.

– Зайдите ко мне, пожалуйста, – начальник отключил селектор и объяснил: – Селектор провели во все комнаты. Видите, что получается.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА. Я захватила блокнот и сверточек для Катеньки. Единственная моя отрада. Дочка моя была бы сейчас такой, если бы... Вышла в коридор. Надо проверить ванную. Вошла туда – никого. Дотронулась рукою до колонки. Теплая. Значит, опять кто-то мылся.

Открыла дверь к Виктории Львовне. Так и есть! Сидят Ксения Дмитриевна и Виктория Львовна, вяжут макраме. Ксения вскочила.

– Я на минутку зашла...

Да такое макраме год надо вязать! Я молча закрыла дверь, пошла дальше.

В прихожей тихо. Анна Семеновна дремлет, Катя развешивает пеленки. Я подошла к ней, говорю шепотом:

– Катюша, это от меня Митеньке, – сую сверток со слюнявчиками.

– Ой, что вы... – смутилась, развернула сверток.

– Дома! Дома! Спрячьте! – сую ей слюнявчик в руки. Не дай бог, кто из наших увидит.

Приняла строгий вид и вошла к начальнику.

РУМЯНЦЕВ. Появилась Горгона с блокнотом.

– Слушаю вас.

– Садитесь, пожалуйста... Как вы думаете, где мы разместим Петра Васильевича?

– Этот вопрос мне спать не дает, – с горечью сказала она. – Ни у вас, ни у меня, сами понимаете... У женщин тесно, потом они непрерывно что-нибудь меряют, будут стесняться...

– Измерения? С помощью чего? – не понял Шляхман.

– Колготки они меряют и юбки, Сергей Ефимович! Им Сабурова приносит. Я борюсь.

– А она где берет?

– Она же уборщицей в «Интуристе»...

– Хм... У меня сын джинсы просит. Сорок шестой.

– Подумаем. Остается Бусиков.

– Только не у Бусикова! Бусикова нельзя нервировать, он сорвет структурную схему. Вообще у него краски, подрамники, клей...

– А хорошо бы к Бусикову, – мечтательно произнесла Горгона. – А то неизвестно, что он там делает.

– Что же он там делает?

– Спит, Сергей Ефимович. На обед выходит с заспанными глазами.

– Может, они у него такие от переутомления? – начальник нажал тумблер. – Бусиков!

Из динамика донесся детский плач, а потом женский голос:

– Вы мне ребенка разбудили!

Сергей Ефимович поспешно нажал на тумблер.

– Черт! Никак не могу привыкнуть. Кто это?

– Это Катя. Митенька сегодня не пошел в ясли, у него температура...

– Бусиков! – вновь позвал начальник.

– Есть Бусиков! – отозвался художник.

– Работайте, Бусиков, – начальник выключил селектор. – Видите, не спит. Нет, к Бусикову нельзя.

– Ну а куда же? – развела руками Горгона.

– Может, кто-нибудь выедет в ближайшие дни? – робко спросил я.

– От них дожدهшься, – сказала Горгона.

– Нет, эти будут стоять насмерть... – протянул начальник. – Знаете что? Поищите сами. Квартира большая, мы еще не всю ее обследовали. Женщины далеко ходить боятся, мне некогда, Бусикову лень. Походите. Может, там есть свободные помещения... – он слабо махнул рукой куда-то вдаль.

– Очень может быть, – сказала Горгона. – Оттуда часто доносится шум.

ЛЮСЯ. На кухне у нас веселее всего. Готовим обед. Сегодня решили освоить луковый суп из «Рецептов французской кухни». Ира режет лук, поминутно вытирая глаза, а Нина трет сыр. Тут же Сабурова за другой плитой жарит корюшку. Виктория Львовна рядом со своею неизменной серебряной джезвой.

Я варю бульон.

Сковородка скворчит, вода булькает... Дым и пар.

– Пока девок замуж не выдам – не уеду, – в который раз объясняет нам Сабурова. – Какой смысл? Вот зятьев пропишу, будет у нас три семьи в одной комнате. Должны дать три квартиры. А так – одну. Есть разница?

– Да мы вас и не гоним. Живите, – говорит Нина.

– Кто не гонит, а кто и гонит.

– Женихи-то есть, Вера Платоновна? – спрашивает Ира.

– Давай лук, – я тороплю.

– Попробуйте рыбки, – Сабурова угощает. – Женихов полно. Зятя нужны. Чего мои девки в этих дискотеках делают – не знаю. Я бы давно замуж выскочила.

– Молодежь сейчас хочет красиво жить, – изрекает Виктория Львовна.

– Ну! – говорит Сабурова. Непонятно – соглашается или возражает.

Мы загружаем лук в керамические горшочки. Появляется Румянцев. Уже неделю шатается по филиалу, как привидение, место ищет. Так ему и надо!

– Заходи, Петя, не стесняйся! Хочешь корюшки? – Сабурова расцветает в улыбке. – Заходи, садись...

Он заходит. Она усаживает его за своим кухонным столом. Накладывает корюшки в тарелку. Вот и попался зять на приманку!

– Спасибо, ну что вы, – скромно отказывается, но не тут-то было. Начинает есть.

– Петр Васильевич, а как поживает программа обработки анкет социально-психологических исследований? – интересуюсь.

– погоди! дай поесть, – машет на меня Сабурова.

– Люсенька, я вам вручную обработаю. Я уже начала, – говорит Виктория Львовна. – Для меня это удовольствие – вспомнить расчетные работы. Я ведь бухгалтер, – поясняет она Румянцеву.

– Виктория Львовна, а что там дальше в квартире? – Румянцев показывает рукой куда-то влево. – Нет ли там свободной комнаты? Мне сидеть негде.

– Сиди у меня. А что? – сразу подхватывает Сабурова. – Девки мои обе работают сутки через трое. Дома всегда только одна... Они у меня дежурные в гостинице... Сиди себе. Места много. Можешь даже полежать...

– Петр Васильевич... – предостерегающе качает головой Виктория Львовна.

– Чего? Чего Петр Васильевич? Человеку работать негде. Должны мы помочь как соседи? По-соседски надо жить... Ешьте, ешьте... Стол приготовлю...

– Соглашайтесь, Румянцев, – говорю я.

– Спасибо... Я... Я сначала поищу там... Хорошо? – он обескуражен.

– Поищи, – жестко говорит Сабурова. – Только не заходи далеко. Заблудишься.

– Петр Васильевич, там теперь опасно, – кивает Виктория.

– И темно, – пугаю я.

– Фонарика нету? – спрашивает первопроходец.

– Свечка есть, – Сабурова дает ему свечу.

Он зажигает и неуверенно удаляется. Виктория Львовна осеняет его крестом.

Мы сгрудились в дверях и долго смотрели ему вслед – как он уходил со свечой по темному коридору, пока огонек не пропал.

РУМЯНЦЕВ. Действительно страшно. Сначала на меня упал таз со стены. Я его не заметил и задел плечом. Но это полбеды. Коридор раздвоился, я пошел по левому. Темно, тени пляшут, и откуда-то раздаются странные звуки, будто выбивают пыль из подушки.

Наткнулся на ванну. Прямо посреди коридора стоит ванна. Наклонился со свечой. В ванне множество рапир для фехтования. Уже ничему не удивляюсь.

Прошел несколько шагов и уперся в кирпичную стену от пола до потолка. Приложил к ней ухо. По-прежнему выбивают подушку.

Повернул, дошел до развилки, начал обследовать правый коридор. Звуки отчетливее. Вдруг что-то забелело в темноте. Что-то живое. Приблизился, поднес свечку...

– Ой! – крикнул детский голос, и я получил колоссальный удар в нос чем-то плотным и мягким.

Упал, заорав от страха. Свеча погасла, вылетев из руки.

– Кто здесь? – спрашиваю, дрожа.

– А ты кто? – детский голос из темноты.

– Я Румянцев, – отвечаю совершенно по-идиотски.

– А я Саша...

– Что ты тут делаешь, Саша? – спрашиваю я, ползая по полу и ища обломок свечи.

– Я наказан.

– Нет, это я наказан, – бормочу. – Говорили – не ходи...

Вдруг открывается сбоку дверь, освещая часть коридора и фигурку мальчика лет десяти в огромных боксерских перчатках, трусах и майке. В проеме показывается какой-то бородач. Борода светится по краям. Бородач пытается взглянуть в темноту.

– Что здесь такое?

– Дяденька упал, – говорит маленький боксер.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА. Когда ушел Румянцев, я сразу решила поставить вопрос перед Сергеем Ефимовичем. Дальше так продолжаться не может. Сергей Ефимович либеральничает. Нужна жесткая рука.

Я раскрыла блокнот.

– Сергей Ефимович, тут у меня данные о дисциплине. Она падает.

– Куда? – спросил Сергей Ефимович.

– Откровенно говоря, падать ей уже некуда. Вот смотрите. За последнюю неделю Людмила Сергеевна трижды принимала ванну в рабочее время...

– Чистоплотная женщина, – заметил Сергей Ефимович.

– Каждый день опаздывает. Ирина и Нина осваивают французскую кухню. Ксения Дмитриевна занимается макраме...

– Чем?

– Макраме. Вяжет узлы под руководством Виктории Львовны. Бусиков стирает пеленки.

– Бусиков – добрый человек. Я всегда говорил.

– Пока мы не выселим соседей и не закроем кухню и ванную комнату, дисциплины не будет. Пора обращаться в милицию.

– Негуманно, Горгона Михайловна... Было решение исполкома о передаче нам жилой площади и о расселении жильцов. Они потихоньку уезжают. Вольтер, например, давно уехал, – он обернулся на бюст.

– Но ведь нужны какие-то меры. Представьте себе, в прежние времена...

– О, в прежние времена... – протянул Сергей Ефимович.

– За ванну в рабочее время судили!

– Не преувеличивайте, Горгона Михайловна. Увольняли, это было. По собственному желанию.

– Ну хотя бы. Хотя бы... А мы?

– А что, если отключить горячую воду, – придумал начальник.

– Жильцы не дадут. У Катюши ребенок.

– М-да... Впрочем, с горячей водой лучше. И кухня не помеха, если разумно...

– Так о чем же и я говорю. Если разумно.

– Может быть, разрешим ванну в обеденный перерыв? – предложил Сергей Ефимович.

– А обед?

– И обед в обеденный перерыв.

– А макраме? Пеленки?

– Вы правы, обеденного перерыва может не хватить. А увеличивать рабочий день нам трудовое законодательство не позволит.

Сергей Ефимович прошелся по кабинету, подошел к Вольтеру.

– Вот так, брат Вольтер! Это почище твоей «Божественной комедии».

Внезапно щелкнул селектор, и голос Людмилы Сергеевны спросил:

– Сергей Ефимович, вы луковый суп будете?

Сергей Ефимович виновато взглянул на меня, подошел к микрофону и сказал:

– Половинку.

РУМЯНЦЕВ. Мужик с бородой оказался директором детской спортивной школы. Он показал мне свое хозяйство. За нами ходил мальчик в боксерских перчатках, который двинул меня в нос.

– Выходит, мы с вами осваиваем квартиру с двух сторон? – он распахнул дверь в маленький зал, где тузили друг друга юные боксеры.

– Но у нас постановление исполкома.

– У нас десять постановлений. А что толку?

– Как же так?

Мы пошли дальше.

– А здесь борцы, – показал он. – Школа у меня небольшая, но дала трех мастеров международного класса.

В зале, пытаясь, боролись юноши в трико.

– Так что вы своим скажите, что все права у нас. Мы будем осваивать площадь дальше, – продолжал он.

– И мы будем осваивать, – несмело возразил я.

Он распахнул дверь в зал штанги. Там боролись с земным притяжением крепкие молодые люди.

– Значит, будем кто кого? – весело спросил он.

Грохотали штанги, перекачивались мышцы атлетов.

– Как же могло так получиться? – спросил я растерянно.

– Квартира такая... Нестандартная. На границе двух районов... Вот тот будет олимпийский чемпион, – показал он на парня.

– А мы проектируем автоматизированную систему отрасли, – продолжал сопротивляться я.

– Отраслей много, а чемпион – один. В вашем конце мы будем размещать секцию фехтования.

Мы дошли до выхода. Там тоже сидел вахтер, как у нас, но не старушка, а старичок.

– Вот и все мое хозяйство... Это хорошо, что вы зашли. Теперь мы знаем, с кем бороться. Верно, Саша? – он подмигнул мальчишке.

– Точно, – солидно подтвердил тот.

БУСИКОВ. Я толстый. Ну и что? Зато я ленивый. Так считается, и я не хочу лишать людей приятной возможности поиронизировать на сей счет. На самом деле я один здесь делаю полезную работу. Не считая Митькиных пеленок. Сергей Ефимович, кстати, это хорошо понимает. Я оформляю чужие идеи и проекты в виде графиков, схем и макетов. Поскольку идей не так уж много, то я оформляю нечто эфемерное. Пустоту. Поэтому я – творец.

Сажу и рисую управленческую структуру нашей отрасли, какой она должна быть по науке. Получается красиво. Вчера закончил блок-схему АСУ. Вот она, рядом, на подрамнике. Вокруг беспорядок, хлам, обрезки бумаги. Это я нарочно, чтобы ко мне пореже заходили. Работать мешают.

Блок-схему я исполнил, когда узнал, что Пете поручено проектировать автоматизированную систему. Пока он ее еще проектирует, а у меня уже готово!

А вот и он. Входит с потерянным видом.

– Слава, у тебя нет плана производственных помещений?

– Чего-о?

– Ну, планировки этой квартиры.

– Нет. Зачем тебе?

– Надо.

Он все-таки заметил блок-схему. Нужно было ее припрятать.

– Слушай, а что это такое? – недоумевает.

– Твоя АСУ, – говорю. – Слушай, можешь мне помочь? Вот тебе ножницы, нарежь соломку из ватмана, – впихиваю ему это в руки, чтобы отвлечь, он вяло сопротивляется, не отрывая глаз от схемы.

– Так я же еще не спроектировал, – начинает тупо резать.

– Проектируй себе на здоровье! Я что – тебе мешаю?..

– Так это же не...

– А кто поймет? Квадратики, стрелочки, все эстетично...
Режет, смотрит на схему. Вижу, она начинает ему нравиться. Смеется. Смеется сильнее.
– Ай да Бусиков! А это что?!
– Перфоратор. Там же написано.
– Зачем здесь перфоратор?! На кой черт сюда – перфоратор?! Здесь интегратор!
– А я почему знаю? Ты специалист... Да оставь ты ее в покое! – я поворачиваю подрамник лицом к стене. – У тебя свой план, у меня – свой. У меня в сокобязательствах написано: сдать в этом месяце блок-схему АСУ.

Онемел. Не привык еще. Ничего, привыкнет.
– Петя, не нравится мне твое настроение. Хочешь холст загрунтовать? – предлагаю ему.
– Зачем? – смотрит, как я начинаю грунтовать.
– Катюшин портрет буду писать. Маслом. Думаешь, Бусиков – дизайнер? Бусиков – пейзажист и портретист.

Начинает грунтовать. Хороший, в сущности, парень. Покладистый. Немного нервный, это есть. Но это от молодости.

– Слава, – говорит задумчиво, – а это надолго?
– Портрет? На неделю.
– Нет, не портрет... Это... – изображает кистью овал в пространстве.
– Навсегда, Петя, – говорю я как можно спокойнее.

ЛЮСЯ. Анна Семеновна чуть в обморок не упала, когда увидела меня с чемоданом. Даже пропуск забыла спросить.

– Люся, чего это?
– Все, Анна Семеновна! Крутой жизненный поворот. От мужа ушла!
– Да зачем же?
– Не сошлись характерами. Не знаете, где Виктория Львовна?
А Виктория Львовна уже спешит из комнаты.
– Здесь я, Люсенька. Жду. Все уже готово.
Я прямо к ней. Тащу чемодан. Анна Семеновна так ничего и не поняла.
Виктория Львовна заводит меня к себе. Там у нее сплошной антиквариат. Угол отгорожен ширмой. За нею – диван, трюмо, столик. Это мой уголок. Здесь я буду жить.

– Располагайтесь. Так будет удобно? – показывает она мне.
– Прекрасно. Большое вам спасибо.
Ставлю чемодан, раскрываю, начинаю устраиваться.
– Я вас хорошо понимаю... – качает головой.
– Не говорите. Замучил подозрениями.
– Эти необоснованные подозрения мужей... Сколько можно?
– Подозрения как раз обоснованные, – говорю. – Но все равно замучил. Пусть помается, а я у вас пока поживу. Заодно и на работу перестану опаздывать.
– Мы ваши анкеты вместе раз-два... Я уже обсчитала, – хвастается Виктория Львовна.
– Неужели? Вы просто молодец!
– Вот! – с гордостью подводит меня к дубовому столу, на котором горка моих анкет и таблицы расчета. Я взяла одну, поглядела.
– Потрясно, Виктория Львовна. Вы гений.
– Вы думаете, Сергей Ефимович будет доволен?
– Он вам руки будет целовать. Кстати, мог бы и заплатить.
– Ну что вы... Неудобно...
– А что, это идея! – сегодня я – сама решимость. – Пойдемте!
– Куда? Я не одета, – пугается Виктория Львовна.

– Пойдемте, пойдемте...

Мы выходим из комнаты и направляемся в кабинет шефа. Открываю без стука. Шеф вытирает пыль с бюста. Стоит на стуле и гладит тряпкой мраморные кудри.

– К вам можно, Сергей Ефимович?

– Пожалуйста, – спрыгивает со стула, как зайчик.

– Проходите, Виктория Львовна, – я приглашаю старуху.

Она заходит, здоровается. Шеф занимает место за столом.

– Я вас слушаю.

– Сергей Ефимович, вы знаете, что Виктория Львовна принимает участие в обработке социально-психологических анкет нашего института?

– Да, я в курсе.

– Не можем ли мы принять ее на работу на два месяца как пенсионера, чтобы оплатить расчеты?

– М-м... Это возможно. У вас какой стаж? – обращается он к ней.

– Сорок два года.

– Солидно. На ставку инженера пойдете? Сто тридцать пять плюс премия.

– Я согласна, – кивает она.

– Тогда пишите заявление – и к Горгоне Михайловне.

– Вот это разговор! Спасибо, Сергей Ефимович, – говорю я.

– Не за что. У вас все?

– Пока все.

– Желаю удачи, – встает.

Мы выходим в прихожую. Сабурова вытирает пол шваброй. Сегодня ее дежурство в квартире.

– Познакомьтесь, – говорю я. – Наш новый сотрудник, инженер Виктория Львовна.

Сабурова отбрасывает швабру.

– А я, значит, за бесплатно буду вам полы тереть?! – и она напрямик направляется в кабинет шефа.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА. Митенька – мое счастье. Такой прелестный мальчик. Если бы не он, я бы здесь с ума сошла. Сегодня Катюша попросила меня посидеть с ним, у нее дела. Поскольку я должна находиться на рабочем месте, я взяла его с коляской в свой кабинет. И вот мы сидим – он в коляске, я рядом, за письменным столом. Я кормлю его супом-пюре и читаю сказку. Он любит, когда ему читают.

– ...Вот их уже трое. Бежит лисичка. «Кто, кто в рукавике живет?» – «Мышка-поскребушка, лягушка-попрыгушка да зайчик-побегайчик. А ты кто?» – «А я лисичка-сестричка. Пустите и меня!» – «Иди»... Еще ложечку... Вот так, мое солнышко... Mamochka скоро придет. Бусиков напишет ее портрет, и она придет. Ты мой внучек будешь, хорошо? Еще одну. Молодец... Слушай дальше...

Где-то поют на три голоса. Наверное, наши...

– Вот их уже четверо сидят...

Внезапно открылась дверь, и вошла Сабурова с ведром и шваброй.

– Что такое? Зачем? – я возмущена.

– Приборка помещений, – поставила ведро, начала тереть.

– Что у вас за рвение сегодня, Вера Платоновна?

– Это не рвение, а дисциплина. Я теперь у вас работаю.

– Как?!

– Вот заявление. Сергей Ефимович подписал, – вынула из кармана фартука листок, положила на стол.

Я взяла листок. Все верно. Вот и резолюция: «Оформить на ставку уборщицы».

– А как же ваш «Интурист»? – спросила я с иронией.

– Перебьется. Девочек надо выдавать. За ними глаз нужен... Подвиньте коляску...

Я откатила коляску, она проехала шваброй по полу, подхватила ведро. Перед дверью остановилась в задумчивости.

– Как вы думаете, у Виктории Львовны я тоже должна убираться?

– Зачем же у нее? Только в отделах.

– Она ж тоже нынче сотрудница. И Люська у ней живет. Выходит, отдел...

– Тогда убирайтесь, – пожала я плечами.

– Вот не было печали... – ушла.

– Нет, Митенька, это сумасшедший дом... – я снова взялась за ложку. – Глядь – бежит волчок...

Щелкнул селектор, раздался голос Сергея Ефимовича:

– Горгона Михайловна, принесите мне, пожалуйста, штатное расписание нашего института...

– Сейчас, Сергей Ефимович.

Достала объемистую папку, положила ее в коляску, Митеньке в ноги.

– Поехали к начальнику, Митенька. Вырастешь, мы тебя тоже на оклад поставим...

Повезла Митеньку к Сергею Ефимовичу.

РУМЯНЦЕВ. Я сидел и считал на калькуляторе. Условия мне Сабурова создала замечательные. На столе – электрический самовар, заварной чайничек, сахар. Каждый день печет мне оладьи. Я ем оладьи и считаю.

На тахте валялась Галка. Или Валька. В джинсах и стереонаушниках. Я нет-нет да и поглядывал на нее. Девушка в порядке.

– И чего вы все считаете, Петр Васильевич! Считаете и считаете! – вдруг она заорала.

Я не сообразил, что это она из-за стереонаушников орет. Ответил спокойно:

– Понимаете, Галочка, я считаю смету на создание автоматизированной системы. Будет такая система, которая поможет установить порядок в нашей отрасли. Машина станет считать и выдавать планы, а люди будут по этим планам работать. Ритмично и производительно.

– Я все равно ничего не слышу! – заорала она снова.

– А вы снимите наушники, – посоветовал я.

Она сдернула наушники, уселась на тахте.

– Мне скучно! – капризно.

– Пойдите в кино.

– Была.

– Почитайте книжку.

– Я на работе книжку читаю. Сидишь целые сутки, делать нечего. И дома делать нечего...

Встала, прошла по комнате. Я глаза отвел. Сразу куда-то мои цифры ускакали.

– Галя, хотите чаю? – потянулся за стаканом.

– Я не Галя. Я Валя.

– Простите.

– Ничего, нас даже мать путает. Вот она сейчас не знает – кто дома: Валя или Галя. Да ей и наплевать.

Подсела к столу, началось чаепитие.

– А в гостинице вообще... Мы с Галкой на одной должности, то она дежурит, то я. И еще две сменщицы. Четверо нас – дежурных по этажу. Гости думают, что нас трое. Мы с сестричкой за одну ходим. Мы уже даже не объясняем, устали... Нас зовут Валя. Я старше на сорок минут. Мать хотела одну меня, а вышло две...

– Интересно, – сказал я, хотя ничего интересного в этом не было.
Где-то запели «Летят утки...».
Валя задумчиво ела оладьи.
– Скажите, Валя, вам это не надоело? – спросил я.
– Что? – не поняла она.
– Ну, несколько странный быт... Тут и работают, тут же и живут.
– Я привычная. У нас в гостинице всегда так. Сидишь на этаже, работаешь, а шаг ступил в какой-нибудь номер – и уже вроде живешь... Чай пьешь с пирожными или музыку слушаешь...
– А мне странно... – признался я.
– Это с непривычки. Вот вы сейчас что делаете – работаете или живете?
– Ну... Живу. Мы же чай пьем.
– А вы же можете другой рукой на кнопку нажать? Нажмите, не бойтесь.
Я, как дурак, нажал на кнопку сброса калькулятора.
– Вот вы уже и работаете. Одной рукой работаете, а другой рукой живете...
Потрясающая у нее логика!
– Да пойми же ты, что нельзя в такой обстановке внедрять научную организацию труда! – я от волнения даже на «ты» перешел.
– А кто тебя просит? – вылупила глаза.
– Отрасль просит!
– Где это такая отрасль? Я такой отрасли не знаю, чтобы обеими руками работали.
– На Чукотке у нас отрасль... – сказал я хмуро.
– Ну там может быть... Я там не была. Давай потанцуем.
– Чего?!
– Скучно...
Она подошла к проигрывателю, включила. Полилась музыка.
– Выходи, выходи! Засиделся. Надо же и перерывы делать. Это по науке.
Я поднялся, стали танцевать. В комнату заглянула Сабурова, понимающе улыбнулась.
– Не буду мешать. Работайте...
И исчезла.

САБУРОВА. Попался, милоч! Пусть поглубже наживу заглочет. Я дверь прикрыла, пошла к Бусикову. Открываю – мать честная! Сидит в кресле Катерина в длинном платье с распущенными волосами, а Бусиков с нее картину рисует.

– Бусиков! – зову шепотом.
Он оборачивается. Взгляд потусторонний.
– У тебя когда убраться можно?
– Никогда, – отворачивается.
– Да погоди ты! Мне велено везде убирать, – вхожу.
– Только не у меня. Здесь беспорядок не простой, а творческий.
Я зашла, остановилась перед картиной. Гляжу.
– Как получается, Вера Платоновна? – Катька спрашивает.
– Ничего. Похожа... Только... чегой-то не хватает.
– Чего же это не хватает? – обиделся Бусиков.
– Жизни не хватает, вот чего! Ты бы ей в руки хоть швабру дал, что ли. Или вон лурон этот, – показала на сверток бумаги. – Она же кто у тебя? Современница?
– Современница, – согласился Бусиков.
– А современницы с пустыми руками без дела не сидят! Пусть хоть по телефону говорит.
Все дело.
– Вы думаете? – засомневался Бусиков.

– Да чего тут думать!.. Значит, у тебя убирать не надо. Кать, хочешь я у тебя подмету вместо Бусикова?

– Ну что вы, Вера Платоновна! Я сама, – Катька смутилась.

– Сама так сама. Учти, ты у нас единственная жиличка осталась, мы со Львовной уже дельцы... Подумай, Слав... – это я Бусикову уже с намеком, хоть он и женат.

– Что вы имеете в виду? – Катька покраснела.

– Катюша, не меняйте позы, – сделал замечание Бусиков. – Вера Платоновна...

– Ухожу, ухожу...

Только вышла в коридор, смотрю – Львовна шествует с огнетушителем. Гордо прошла мимо, я за нею. Любопытно. Дошла до своей двери и вешает на нее какую-то табличку. Глянула ей через плечо: «Отдел социальной психологии». Ого!

Львовна дверь открыла и туда. Я за нею.

– А вы куда? – спрашивает.

– Я в этом учреждении работаю, – указываю ей на табличку. – Куда хочу, туда хожу. Хотите – заходите в мой отдел в любую минуту рабочего времени.

– Ах вот как? – вешает огнетушитель на крюк у двери, а на саму дверь приклеивает аккуратный листок с каким-то планом.

Глянула я – мать честная! «План эвакуации на случай пожара».

– А мне? – говорю.

– Огнетушитель можете получить у завхоза в главном здании, а таблички и планы эвакуации Бусиков чертит, – ответила сухо.

– Мерси!

Побежала обратно к Бусикову.

– Бусиков, ты мне планчик такой же нарисуй, как у Львовны... Катюшка, тебе огнетушитель захватить на складе?

– Хватайте, Вера Платоновна, – говорит Бусиков. – Все равно вместе будем гореть.

Побежала дальше. Мимо женской лаборатории. Они все себе поют.

НИНА. Сегодня особенно хорошо поется. С тех пор как Людмила ушла к Виктории Львовне, у нас с пением полный порядок. Классическое трехголосье. И слух у всех замечательный, не то что у Людмилы.

С обеда мы сидели за занавесочкой, пили кофе и распевали песни. Много спели. Закончили «Синий платочек» по заказу Ксении Дмитриевны, и она сказала:

– Девчата, может, хватит?

– А что делать, Ксения Дмитриевна? Делать-то что?

– Ой, верно... Забыли нас, все забыли... – вздохнула она.

– А Люська – до чего ж подлая! – воскликнула Ира. – Ну ладно, от мужа ушла. Но от нас зачем уходить?

– Это она из-за ванны. Теперь ей как жиличке можно принимать ванну, – рассудительно сказала Ксения Дмитриевна.

– Менять коллектив на ванну... – пожала плечами Ира.

– Давайте еще споем, – предложила я.

– А что?

– «Вот кто-то с горочки...»

– Запевай.

И мы затянули «Вот кто-то с горочки спустился...». Нас бы в хор Пятницкого, честное слово. Я веду мелодию, Ксения Дмитриевна вторит, а Ирка подголоском. Вся наша тоска по любви и по работе в этой песне.

Спели два куплета.

– Ох, хорошо... – вздохнула Ксения Дмитриевна.
– А правда говорят, что нас спортсмены выселять будут? – спросила Ира.
– Правда. Петя узнавал. Мы выселяем соседей, а спортсмены нас, – подтвердила Ксения Дмитриевна.

– А спортсмены какие?
– Юниоры.
– А по профессии?
– Говорит, силачи. Один его в нос двинул.
– Так ему и надо. Видели, он уже к двойняшкам пристроился. Не пропадет, – сказала Ира.
– Давайте споем, – опять предложила я и, не дожидаясь согласия, запела «Миллион алых роз».

Спели куплет и припев.

– А Бусиков Катькин портрет пишет, – сказала Ира.
– Влюбился, видать, – кивнула Ксения Дмитриевна.
– Не понимаю. У Катьки ребенок, у него тоже семья...
– Только нас никто не рисует, – вздохнула я.
– Давайте споем, девочки, – предложила Ира.
– Все. Хватит петь! – оборвала Ксения Дмитриевна. – Надо что-то делать. Так дальше продолжаться не может.

– Давайте выступим на собрании и скажем: либо Сергей Ефимович даст нам данные по отрасли, либо выселит соседей, либо мы уйдем! – вскочила Ира.

– Никуда мы не уйдем... – покачала головой Ксения Дмитриевна. – И соседей он не выселит, они ему нужны...

– Зачем? – удивились мы.

– Он ими прикрывается. Как чего не сделали, первый козырь: вы же знаете, в каких условиях мы работаем!.. Но отрасль из него надо вынуть.

– Обязательно! – сказала я. – Техника безопасности, например, это же очень конкретно. Я должна знать как минимум, где они работают! Если наверху, то нужно следить за тем, чтобы не упасть. Если внизу, то чтобы на тебя не упало. Правда? Если на морозе, то варежки, а у компьютера варежек не нужно, нужны защитные экраны...

– Решено. Выступаем, – сказала Ксения Дмитриевна. – Пускай едет на край света и привозит нам данные.

– А соседей... Ксения Дмитриевна... Неужели не выселит? Неужели мы так и будем здесь жить... – я чуть не заплакала от тоски, когда до меня дошла по-настоящему эта мысль.

– Жить-то ладно, – сказала мудрая Ксения Дмитриевна. – Неужели мы так работать будем?

АННА СЕМЕНОВНА. Слава богу, еще один день позади. Последней Горгона ушла.

– До завтра, Анна Семеновна.

– Всего хорошего, Горгона Михайловна.

Я пошла проверять рабочие помещения с ключами.

Зашла в лабораторию женщин. Никого. Заглянула за занавеску. Чистенько. Портрет Аллы Пугачевой. Чашки вымыты.

Выключила свет, заперла дверь на ключ.

Заглянула к Катюшке. У нее новенький огнетушитель висит. Митя спит. Она мне знаки делает: тихо!.. Я киваю: что же, не понимаю разве, что ребенок спит? Сама вяжет, телевизор смотрит без звука. Там хоккей.

– Я ушла, – шепчу. – Осторожней с огнем.

Улыбнулась, помахала рукой.

Постучала к Сабуровым.

– Открыто! – голос Веры.

Приоткрыла дверь, а там наш Петька. Сидит за столом, как король, пирогами обставлен. Слева от него мамаша, справа – дочка. У него уже кусок в рот не лезет.

– Петь, – говорю. – рабочий день-то кончился. Или не заметил?

Он вскочил, не успев прожевать. Смотрит на меня благодарными глазами.

– Спасибо за угощение. Я пойду. Анне Семеновне нужно помещения сдавать...

Видно, никак его не пущали. Вот прицепились!

– Чего это ты, Семеновна, вместо Горгоны взялась за порядком смотреть? – Сабурова мне недовольно. – Может, человек хочет сверхурочно поработать?

– Кто ж ему платить будет за ваши сверхурочные пироги?

– Не волнуйся, найдем чем платить!

А Петька суетится, кланяется. Выскочил в коридор, дух перевел.

– Спасибо, Анна Семеновна, – шепчет. – Еле ноги унес.

– Ты радоваться-то погоди.

Убежал домой, к мамке. Скрутят они его, как пить дать.

Вдруг открывается дверь Виктории Львовны, и на пороге она сама. Очки на носу, в руках какие-то бумажки.

– Анна Семеновна, как хорошо, что вы не ушли! Нам для статистики не хватает одной анкеты вспомогательных служб. Пожалуйста!

– Не, никаких служб. Я работу кончила.

– Анна Семеновна, миленькая! – Люська из комнаты кричит.

Зашла. Там у них дым коромыслом, бумажки разбросаны, стол завален анкетами. Люська в халатике, коленками уперлась в стул, шарит карандашом по каким-то таблицам. Виктория меня усадила, положила перед собою анкету.

– Я буду спрашивать, вы отвечайте – да или нет.

– Давайте, только быстро.

– Привлекает ли вас в вашей работе возможность получать моральное удовлетворение?

– Да. А что это?

Она крестик поставила и дальше.

– Способствует ли характер вашей работы неформальному общению с сослуживцами?

– Ой, да ну вас! – говорю. – Я не пойму что-то.

– Ну, по-житейски, по-человечески часто общаетесь с нами? – перевела Люська.

– Да я только так и общаюсь.

– Значит, да, – Виктория важно. – Есть ли у вас резервы для повышения производительности труда?

– Нет. У меня никаких резервов нету.

– Считаете ли вы, что можно что-то улучшить в организационной структуре вашего отдела, лаборатории?

– Опять не пойму. Да ведь хуже-то некуда, – я вздыхаю.

– Пишите: да, – Люська командует. – Спасибо, Анна Семеновна, вы нам очень помогли. Сейчас мы с вами навалимся, Виктория Львовна, к полуночи должны закончить.

– Я кофе сварю. Закончим! – старуха решительно.

Что за люди у нас! Я удивляюсь. То не заставишь работать, а то как подхватаются – не остановить.

Я тихонечко удалилась, чтобы не мешать. Они и не заметили. Остался Бусиков. Стучу к нему. Молчание. Толкнула дверь, она открылась.

Славка сидит в кресле, голову откинул, не шевелится. Глаза прикрыты. Я думала – помер. Толкнула его.

– Слава, ты что?

Он глаза открыл, молчит. Рукой указал на стенку. Глянула туда, батюшки-светы! На стенке Каткин портрет. Будто сидит она в кресле с Митенькой на руках, а позади вся наша квартира дыбом. Кто сидит, кто бежит, кто под душем, кто у самовара. И я при дверях в форме. Все мелкие, как тараканы, одна Катка большая.

– Слава, ты не заболел? Иди домой.

Он головой трясет.

– Что же ты – здесь ночевать будешь?

Он кивает.

– Так ты ж мне филиал сожжешь. Начнешь курить, а здесь бумаги.

Он тычет пальцем в огнетушитель: потушу, мол.

– Да что у тебя – язык отнялся?!

Снова кивает, но хоть улыбнулся, и то слава богу! Ну и пусть сидит. Втрескался в Катку, не иначе. Вон какую картину отгрохал.

Повесила я ключи на доску, доску на замочек заперла.

– Я ушла! Филиал не спалите! – крикнула всем.

И дверью – хлоп.

БУСИКОВ. Тихо в филиале. Ночь... Из крана на кухне вода капает, звон ее гулко разносится по квартире. Я лампу на штативе установил перед моею Мадонной и сижу, смотрю на нее.

Тени в мастерской, все причудливо – не так, как днем.

Услышал мяуканье за дверью, поднялся.

– А-а, это ты, Мурзик... Заходи, – впустил кота Виктории Львовны. Он степенно зашел.

– Правда, хороша, Мурзик? – показал ему на портрет. – В жизни она еще лучше. Впрочем, ты знаешь...

Кот на кресло вспрыгнул, свернулся калачиком. А я подошел к селектору и долго смотрел на него, решаясь. Была не была! Нажал на клавишу.

– Катя, ты не спишь? – тихо сказал и почувствовал, что голос дрожит. – Это я, Слава...

КАТЯ. Я голову от подушки подняла, со сна ничего не соображаю. Откуда здесь Бусиков? Кубарем скатилась с тахты – и к селектору. Прикрутила громкость, чтобы Митька не проснулся. Но не выключила. Сижу в ночной рубашке, слушаю. А Бусиков говорит.

– Теперь ты всегда со мной, понимаешь? Я сижу и смотрю на тебя, работать совсем перестал. Я только когда тебя написал... То есть вас с Митей... понял, что я... Катенька, мне трудно это произнести, я уже лет пятнадцать таких слов не говорил. Потом я женат, понимаешь... Короче говоря, хорошая штука – селектор. Он придает мне духу. Так бы я не решился. Сейчас скажу. Неважно, слышишь ты меня или нет. Даже хорошо, что меня никто не слышит...

ЛЮСЯ. Сидим, пьем чай. Все сделали. Половина первого. Слушаем Бусикова по селектору. Он у нас вместо программы для полуночников.

«Я люблю тебя, Катенька. Говорю это при свидетеле. Здесь у меня Мурзик, он слышит...»

– Мурзик у него, – киваю я Виктории Львовне.

– Может, выключим, Люся? Неудобно подслушивать...

– Ничего по селектору в любви объясняться!

«...Вот я и сказал. Если ты мне не веришь, если не принимаешь мою любовь, то ничего не говори мне утром. Сделай вид, что ты этого не слышала. Я буду думать, что ты просто спала. Но если ты слышишь и если чувствуешь то же, что чувствую я, то дай мне знак...»

– Интересно какой? – я отхлебываю чай.

«...Знаешь, в кабинете шефа в углу переносная урна для голосования. С прошлых выборов осталась. Положи в нее что-нибудь. Ну хоть заколку, что ли...»

– Остроумно, – комментирует Виктория Львовна. – И романтично.

«...Катя, я стихи сегодня сочинил, пока смотрел на тебя. Можно, прочитаю?»

Твое лицо мне снилось много лет,
Оно всплывало медленно и властно
Средь лиц других, унылых и несчастных,
Среди людских больших и малых бед...»

ГОМЕР. Клянусь Зевсом, странно слышать на исходе двадцатого столетия стихи о любви в пустом кабинете по селектору. Здесь все такое служебное: столы, стулья, телефоны, диаграммы. А в окне стоит луна – та же самая, что светила Пенелопе, ожидающей своего Одиссея...

И сразу исчезало все: дела,
Людские лица, суета мирская...
Ты приближалась, как волна морская,
Неотвратимо и легко ты шла...

САБУРОВА. Нам только стихов по ночам не хватало! Лежим, слушаем с Валькой. Или с Галькой.

«...Сегодня я почувствовал себя Пигмалионом. Я создал свою Галатею и влюбился в нее. Ты помнишь этот миф? Теперь я в него верю. Любовь должна пройти через руку художника, тогда он верит в ее истинность...»

– Совсем чокнулся, – бормочу я.

– Мам, может, он пьяный? – спрашивает Валька.

«...Помнишь, Пигмалион попросил богов, чтобы они оживили Галатею...»

Ну все! Хватит! Подбегаю к селектору, хлопаю по клавише.

– Ты, Пигмалион! Может, дашь людям поспать?!

БУСИКОВ. Я отпрыгнул от селектора, как от змеи. Какой ужас! Мурзик тоже вскочил в кресле, выгнул спину. Все погибло! Неужели они слышали?! Какой я дурак! Я схватился за голову и замычал.

Хоть в петлю лезь. Спас меня звонок, раздавшийся в прихожей, а вслед за тем тяжелые удары в дверь с лестничной площадки. Похоже, били ногой.

Звонок повторился. Селектор щелкнул и сказал голосом Людмилы Сергеевны:

– Слава, спросите кто. Вы один мужчина в филиале.

Я вышел в прихожую, подошел к двери, прислушался. Удары башмаком повторились.

– Кто там? – спросил я.

– Почтальон Печкин! Открывай! – голос был угрожающий и, вроде, пьяный.

– Что вам нужно?

– Жена моя нужна! Открывай!

От растерянности я открыл. Не успел опомниться, как на меня с лестницы прыгнул какой-то мужик, сбил с ног и, насев, принялся молотить меня куда попало.

– Вот вы чем занимаетесь здесь, в своем филиале!

– Вы Катин муж? – успел спросить я его между ударами.

Он опешил, прекратил побоище...

– Почему Катин? Люсин.

– Ах вы муж Людмилы Сергеевны! – я его чуть не расцеловал.

– Ну! Где она?

Но Людмила Сергеевна уже стояла в дверях комнаты Виктории Львовны, запахнутая в бело-розовый халатик, со взглядом пронзительным и гневным.

– Василий! Встань! Как тебе не стыдно?!

Василий встал. За спиной Людмилы возникла Виктория Львовна.

– Как вы могли подумать о вашей жене... – начала она.

– погоди! – отмахнулся от нее Василий. – Это кто? – указал он на меня.

– Бусиков, – хором ответили женщины.

– Бусиков я, – подтвердил я, поднимаясь.

– Ты должен извиниться, – произнесла Людмила.

И тут из своей комнаты, как фурия, выскочила Сабурова.

– Да кончится это или нет?! Я милицию вызову!

– Ого, сколько вас тут, – уважительно сказал Василий.

– Убирайся домой! Я к тебе не вернусь! – Людмила круто повернулась и исчезла в дверях.

– Мы к вам не вернемся! – Львовна последовала за ней.

– И не больно хотелось, – сказала им вслед Сабурова и тоже скрылась за дверью.

– Ну... Куда ж я ночью? – спросил Василий.

– Пошли ко мне, Вася. Ну их всех в баню, – предложил я.

– Это мысль, – сказал Василий. – Выпить есть?

– Разбавитель для красок.

– Сойдет.

И мы пошли спать.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА. Утром произошло событие, которое стало каплей, переполнившей чашу моего терпения. Людмила Сергеевна явилась расписываться в журнале прямо из постели, в халате. Вошла нечесаная, позевывая...

– Можно расписаться? Я не опоздала?

– В каком вы виде?!

– Нигде не написано, в каком виде положено являться на работу, – она чиркнула свою подпись и удалилась.

Это плевок. Я немедленно сняла трубку и набрала номер.

– Алексей Алексеевич? Это Горгона Михайловна. Здравствуйте... У нас состоится сегодня. Как договаривались. Вы сможете?... Да, прямо сейчас. Спасибо... До встречи.

Повесила трубку и сразу к Сергею Ефимовичу. Когда шла через прихожую, увидела Сабурову. Она стояла, опершись о швабру, у столика вахтерши и с кем-то разговаривала по телефону.

– Методические рекомендации, да... Можете приходить. АСУ вас не интересует? Есть интересные материалы... Пожалуйста... Не стоит.

Я замедлила шаг.

– С кем вы, Вера Платоновна?

– Командировочные. Интересуются нашими разработками...

– Ах вот как...

Злости уже не хватает. Сабурова взялась за швабру, а я к начальнику. У него сидел интеллигентного вида старик, опираясь на резную палку. В эркере двое молодых людей в рабочей одежде возились у бюста Вольтера. Что-то обмеряли.

– Здравствуйте, Сергей Ефимович.

– Здравствуйте. Познакомьтесь, Горгона Михайловна. Это Павел Ермолаевич Князевский, профессор, доктор филологических наук, специалист по Вольтеру...

– По Гомеру, – поправил старик, поднимаясь.

Он церемонно поцеловал мне руку.

– Редкое у вас имя, Горгона Михайловна.

– Не говорите. Два года мучаюсь.

– А раньше? – он вскинул брови.

– Раньше я не знала, что оно означает. Думала, просто красивое иностранное имя...

И родители так думали. Потом мне открыли глаза.

– А что, имя какое-нибудь знаменитое? – заинтересовался Сергей Ефимович.

– В некотором роде, – улыбнулся профессор.

– Я вас слушаю, Горгона Михайловна, – сказал начальник.

– У нас давно намечено общее собрание коллектива...

– Да, я в курсе.

– Я предлагаю провести сегодня. Сейчас.

– Ну что ж... Павел Ермолаевич нам не помешает? Тут у него дела с Воль... С Гомером.

– Нам уже ничто не помешает, Сергей Ефимович.

– Не могу без него жить, – признался профессор, поглядев на бюст. – Вот попросил молодых людей помочь...

– Значит, я собираю коллектив? – спросила я.

– Собирайте.

АННА СЕМЕНОВНА. Горгона выскочила от начальника и давай дверями хлопать. Забегала туда-сюда.

– Товарищи, общее собрание! Прошу в кабинет Сергея Ефимовича! Несите стулья.

Все потянулись со стульями к кабинету.

Горгона к Бусикову:

– Вячеслав Андреевич, вы слышите?

– Сейчас! – Бусиков сонным голосом из-за двери.

Из комнаты Сабуровой вышли все со стульями: сама Сабурова, наш Петя и Валька. Он у них как под конвоем. Катюшка с Митенькой показались из ванной, умывались там. Она его на руках несет. Горгона к ней подошла.

– Катенька, общее собрание.

– Я тоже должна? – она удивилась.

– Все, все участвуют. И Митю берите.

Дверь в кабинет начальника распахнута. Вижу, как они там рассаживаются. Гляжу – Сабурова подошла к голосовательной урне, что в углу стоит, и незаметно туда чего-то опустила. Голосует, что ли?

Горгона девушек поторапливает, певуний наших. Потом подошла ко мне.

– Анна Семеновна, когда участковый придет, позовите меня.

– А участковый-то зачем?

– Без участкового нам трудовую дисциплину не поднять.

Ну, мое дело маленькое. Наконец Катюшка Митю привезла в коляске. Он сидит с бутылочкой. Все в кабинет зашли и дверь прикрыли.

Я тихонечко к двери – и слушаю. Ничего не разобрать, только бу-бу-бу... Вдруг звонок в дверь. Открыла – молоденький милиционер, лейтенантик.

– Здравствуйте, – откозырял. – Горгона Михайловна у себя?

– Тама они, – показала на кабинет.

– Я подожду.

Лейтенант по прихожей прошелся, стал Доску почета смотреть.

ЛЮСЯ. Я, как всегда, с краю. Меня это мало касается. Слушаю вполуха, как Горгона распинается.

– ...и дальнейшего повышения трудовой дисциплины. Однако невыполнение отдельными жильцами постановления исполкома затрудняет филиалу выполнение производственных планов. Бытовые условия разлагающе действуют на некоторых членов коллектива.

Сейчас про меня начнет. И точно.

– ...Участились случаи принятия ванны в рабочее время, ночевок в лабораториях, приготовления пищи и застолий с жильцами.

– Это вы про что? – Сабурова сразу.

– Я про пироги и оладьи, которыми вы потчуете Петра Васильевича.

– Петр Васильевич – мой коллега, – Сабурова встала. – Он в моем отделе сидит, но все же не ночует, как у других, – и она выразительно посмотрела на Викторину Львовну.

Это уже камушек в мой огород. Я вскочила.

– Виктория Львовна досрочно завершила программу социально-психологических исследований. А то, что я временно у нее проживаю, имеет отношение только к моей личной жизни. И я не позволю вмешиваться!

– Ага, к твоей! А по ночам мужики пьяные шастают – ко мне?!

– Это к Бусикову, – пискнула Виктория Львовна.

Начальство заволновалось. Про этот факт они еще не знали. Озираются по сторонам. Академик по Гомеру сидит довольный, будто «Одиссею» по телевизору смотрит. Его ребята, что бьют пилу, остановились – им тоже интересно.

– Кстати, где Бусиков? – подал голос Сергей Ефимович.

Катка покраснела, будто Бусиков у нее ночевал. Горгона сразу ей на помощь:

– Слава сейчас придет. У него просыхает клей.

– У него кое-кто другой просыхает, – Сабурова ехидно.

– Товарищи! Мы отвлеклись, – шеф постучал карандашом по стакану.

Тут Анна Семеновна заглядывает.

– Горгона Михайловна, милиция пришла.

– Пригласите сюда.

Мы притихли. Неожиданный поворот... Входит милиционер – скромный, я бы даже сказала – застенчивый. Поздоровался, ищет, куда присесть.

– Пожалуйста, Алексей Алексеевич, в президиум, – Горгона его приглашает к столу начальника. Он прошел бочком, сел.

Рабочие опять принялись пилить бюст.

– Товарищи, я специально пригласила нашего участкового, чтобы в его присутствии задать жильцам все тот же вопрос: почему они не выполняют распоряжение исполкома об освобождении площади? – обратилась к собранию Горгона.

Молчание.

– Начнем с вас, Виктория Львовна.

– Я прожила в этой квартире всю жизнь и хочу умереть здесь! – Виктория встала.

– Умирать не требуется. Вам дадут однокомнатную квартиру. Неужели вам, старому человеку, приятно жить в таких ужасных условиях?

– Я здесь блокаду пережила. И это переживем.

– Не вызывайте к нашим чувствам.

– А к чему же вызывать? Нет, я не уеду, – Виктория Львовна села.

– Вера Платоновна, а вы?

– Мои причины знаете, – Сабурова даже не встает. – Мне и здесь хорошо. Работа близко.

Катка, не дожидаясь вопроса, вскочила, слезы из глаз.

– И я не могу, товарищи! Кто меня с Митенькой пустит? Я же эту комнату сняла на два года, пока хозяин в Антарктиде...

– Сядьте, Катюша. У вас особое положение, мы знаем, – Горгона ласково. – Видите, Алексей Алексеевич?

Лейтенант заерзал. Что тут скажешь? Вообще его больше заинтересовало пиление бюста. Он как сел, все время оглядывался назад, в эркер. Непорядок чувствует спиной.

– А почему... пилят? – спросил он.

– Видите ли, Гомер – моя личная собственность. Я его хочу забрать, – академик с достоинством.

– А-а... Тогда продолжайте.

– Что – продолжайте? Вы можете употребить власть? – Горгона спрашивает у участкового.

А ему не хочется. Или не может. Смотрит затравленно. Вдруг открывается дверь и вваливаются Бусиков и Василий. Вид у обоих помятый.

– Здравствуйте, – говорит Бусиков.

– Можно присоединиться? – спрашивает Василий.

– Ты еще тут?! – я не выдерживаю.

– Я еще тут, – он покорно кивает.

– Посторонний... – слышу голос Горгоны.

– Да какой же я посторонний? Моя жена здесь работает и живет!

Лейтенант решительно встает, оправляет китель. По-моему, он даже рад появлению Василия. Можно с достоинством смыться.

– Гражданин, пройдемте!

– Вы все тут заодно... Ладно... Слава, чего стоишь?! – Василий пытается сопротивляться.

– Не трогайте его, он мой гость! – кричит Бусиков.

Общее смятение и возня. Рабочие снимают бюст Гомера и несут к выходу. Участковый выталкивает Василия за дверь. Бусиков защищает его, но Катька, вскочив, удерживает Бусикова.

Митька в коляске орет. И все орут.

– Прошу очистить помещение! – это милиционер.

– За что?! – Бусиков.

– Товарищи, собрание продолжается! – Горгона.

– Люська, домой лучше не приходи! – снова Василий.

– Она прекрасная, порядочная женщина! – это Виктория Львовна.

– Поберегись! – один из рабочих.

– Товарищи, пропустите Гомера, – просит академик.

Клубок выкатывается в прихожую: Васька, милиционер, Бусиков, Катюша. Следом с жутким напряжением несут мраморного Гомера. Литературовед задерживается в дверях.

– Извините за беспокойство. Всего вам доброго.

– Заходите, Павел Ермолаевич, – любезно говорит шеф.

– Благодарю... Жаль, что я столь поспешно выехал. У вас тут весело.

– Бюстик заменить вы обещали, – шеф указывает на пустой пьедестал. – Он у нас на балансе. Материальная ценность.

– Непременно, – кивает академик.

Он выходит. Крики в прихожей затихают. Все снова рассаживаются. Горгона пытается успокоить Митьку.

– Переходим ко второму вопросу, – говорит шеф. – Обязательства филиала на третий квартал. Кто желает выступить?

– Я желаю! – Нина с вызовом поднимает руку.

БУСИКОВ. Милиционер увел Василия, выплыл из квартиры Гомер, раскланялся профессор. Напоследок поцеловал ручку Катеньке.

Мы остались вдвоем, не считая Анны Семеновны.

Посмотрели друг на друга.

– Митенька плачет. Надо соску, – сказала Катя.

– Всем соски надо. Разорались, – проворчала Анна Семеновна.

Катенька бросилась в свою комнату за соской. Я за ней. Она вбежала к себе, оставив дверь открытой. Я вошел следом, стою в дверях. Она ищет соску.

– Господи, да где же она?! – не смотрит на меня.

Наконец нашла. Спешит обратно.

– Пойдем, пойдем... – лихорадочно.

– Он уже не плачет. Слышишь?

Она остановилась. Стоим в коридоре у ее двери, близко-близко друг к другу. Анна Семеновна нас не видит из-за угла. Я обнял Катеньку и поцеловал. Она стоит, не шелохнувшись. А мне так хорошо стало, легко... Даже какой-то нежный звон в ушах образовался. Целую ее в шею.

– Ой, – она вздрогнула.

– Что? – я поднял лицо.

– Смотри! – показывает мне за спину.

Я обернулся. Гляжу, в глубине коридора двое пацанов в белых костюмах и масках – фехтуют! И звон рапир, который я принял за бог знает что.

– А ну кыш! Кыш отсюда! – из-за угла выскочила Анна Семеновна.

Мы с Катей отпрянули друг от друга. Мальчишки скрылись.

– Уж не впервой, – сказала вахтерша. – Ой, не к добру.

Мы пошли обратно. Не успели дойти, как двери раскрываются, из кабинета наши расходятся со стульями. Собрание кончилось. Все почему-то довольны. Горгона коляску везет. Катенька ее подхватила – и к себе.

– Спасибо, Горгона Михайловна...

– Чем кончилось? – спрашиваю у наших девушек.

– Победа! Сергей Ефимович согласился съездить в Сибирь. Хочет разузнать про отрасль, – ответила Нина.

И сам шеф показался из кабинета. Пышет энергией.

– Слава, подготовьте структуру управления для командировки. И схему АСУ.

– Будет сделано.

Все какие-то празднично-потерянные. Еще бы! Шеф едет осваивать отрасль. Хочется его обнять. Вот и Сабурова выходит из своей комнаты, несет валенки, вставленные один в другой. Валенки добротные, на войлочной подошве, задник кожей обшит.

– Это вам, Сергей Ефимович. Как-никак в Сибирь едете, – протягивает валенки шефу.

– Спасибо... Но... сейчас лето.

– У нас лето, а там еще неизвестно что. Берите. От мужа остались.

– Ну спасибо. Он у вас охотником был.

– Ага, охотником... До баб, – Сабурова отвечает.

– Товарищи, обед стынет! – Людмила Сергеевна кричит из кухни.

Народ потянулся обедать, а я в кабинет шефа заскочил. Схватил урну для голосования – и в мастерскую. Дверь за собою прикрыл, размотал проволочку, что крышку держала, и вытряхнул содержимое прямо на схему управленческой структуры.

На ватман упали пять женских заколок, причем, одна старинная, костяная.

ЛЮСЯ. Шеф уехал, благодать! Теперь по утрам у нас аэробика до упаду. Ирина, Нина и я – в первом ряду, а сзади – Ксения Дмитриевна и Катька, пока Бусиков с Митенькой сидит. Горгона не участвует, но мы знаем, что она у себя в кабинете тайком пляшет.

Сабурова на стремянке протирает верхнюю часть зеркала, в котором мы все отражаемся.

– Вера Платоновна, а чего ж дочки не идут? – спрашивает Ксения.

– Приболели.

– Приболели... – ворчит Анна Сергеевна. – Сказала бы по-простому: в положении они.

Что ж мы – не видим? Свой же люди.

Сабурова чуть не грохается со стремянки.

– Чего?!

– Чего слышала.

Сабурова медленно-медленно, так что даже страшно становится, спускается со стремянки, подходит к Анне Семеновне.

– Точно говоришь, Семеновна?

– У меня глаз – ватерпас.

– Обе?

– Обе, Платоновна, обе.

Сабурова поворачивается и идет к себе с тряпкой в руках. Мы начинаем расползаться. Ирка выключила музыку. Сабурова рвет на себя дверь и исчезает за нею. Мы прячемся в своей лаборатории, но от двери не отходим – прислушиваемся...

РУМЯНЦЕВ. Сабурова вошла и смотрит на нас. А мы с Валеи и Галей играем в «эрудит». Сегодня обе девушки дома и им, как всегда, скучно. От карт я наотрез отказался, прививаю им интеллектуальные наклонности.

– «Пыха» – есть такое слово? – спрашивает Валя.

– Нет, – отвечаю.

– А у меня только неприличное выходит. Можно? – интересуется Галя.

– Ни в коем случае.

Сабурова смотрела-смотрела, а потом сказала ласковым донельзя голосом:

– Петя, тебя можно на минуточку?

– Пожалуйста, – я встал.

Мы вышли в коридор, но Сабурова не остановилась, а последовала в ванную. Я недоумевающий пошел за ней. В ванной она заперлась на крючок, открыла воду в умывальнике, а потом, резко оборотившись ко мне, обеими руками пихнула меня в грудь.

– Ты?!

От неожиданности я свалился в ванну. Ноги свисают через край. Положение глупейшее. А Сабурова, наклонившись, орет, перекрывая шум воды:

– Отвечай! Ты?!

– Я вас не...

Сабурова меня тряпкой – р-раз! Я закрылся. «Убьет!» – думаю.

– За что, Вера Платоновна?!

– Не выйдешь отсюда, пока не сознаешься, – она повернулась, вышла из ванной и защелкнула меня на задвижку.

Я, кряхтя, выбрался из ванной.

– В чем?! – крикнул я своему отражению в зеркале.

В квартире молчание.

БУСИКОВ. Митька ко мне уже привык. Сидит в кресле, я его игрушками обложил, но он все тянется к моим инструментам. На стене моя картина. Я читаю ему сказку, а сам нет-нет и взгляну на портрет, сравниваю сходство с оригиналом.

– На тебе фломастер и слушай дальше. Уже их шестеро, и так им тесно, что не повернуться! А тут затрещали сучья, вылезает медведь и тоже к рукавичке подходит, ревет: «Кто, кто в рукавичке живет?» – «Мышка-поскребушка, лягушка-попрыгушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчок-серый бочок да кабан-клькан. А ты кто?» – «Гу-гу-гу, вас тут многовато...»

Катя вбежала, глаза круглые.

– Петя не виноват!

– В чем? – я не понял.

– Зять не он! Слава богу, кто-то со стороны. Сестры сознались.

– Значит, свадьбы не будет?

– Почему не будет? Сабурова их вызвала, должны прийти. Валька и Галька обещали прийти.

– Катенька, давай и мы тоже.

– Что?

– Поженимся.

– Нет, я не могу разрушать семью.

– Она уже разрушена. Я домой не вернусь.

– Вернешься. Правда, Митенька?

В дверь постучали, потом просунулась голова Анны Семеновны.

– Слава, к тебе пришли. Похоже, жена. Пускать?

– Ой! – Катя перепугалась.

Я ее за руку взял, усадил.

– Пускайте, Анна Семеновна.

Через минуту вошла моя жена, за нею шестнадцатилетняя дочь. Обе одинаково накрашены и надменны. Катя сидит с Митенькой под своим портретом ни жива, ни мертва. Жена посмотрела на нее, потом на портрет.

– Мне все понятно.

– Нет, вы не думайте... – Катя попыталась подняться, но я удержал ее.

– Сиди.

– Мама, Бусиков соскучился по пеленкам, – дочь говорит.

– Бусиков, я ли тебя не любила? – спрашивает жена.

– Ты ли... – бормочу.

– На квартиру можешь не претендовать, ничего не выйдет. Мебель остается за нами. Чемоданчик я тебе уже собрала.

– Спасибо, – киваю.

Она еще раз взглянула на портрет.

– Меня, небось, ни разу не нарисовал. Все это филиал ваш. Куда начальство смотрит?

– Пойдем, мама... – дочь сказала.

– Прощай, Бусиков. Ты не принес нам счастья.

Вышли. Мы молчим.

– Слава, не возвращайся к ним, – тихо сказала Катя.

АННА СЕМЕНОВНА. Открываю дверь – на пороге красивый молодой грузин. С виду форсистый, но побаивается. Прихожую сразу взглядом окинул. А у нас там никого, только Петька сидит за столиком, работает. Его давеча из отдела Сабуровой выперли.

– Вы к кому? – спрашиваю.

– К Валентине Сабуровой.

Явился, значит, один жених.

– Валька! – кричу. – К тебе пришли!

Она выпорхнула из комнаты, принаряженная, бросилась ему на шею. Петька сидит, головы не поднимает.

– Нодари!

– Валечка!

– Ты, главное, ничего не бойся. Мать крутая, но отходчивая, – шепчет она ему.

Тут и Сабурова выплывает. Вырядилась, как черт знает кто. Окинула будущего зятя взглядом, руку протянула. Он к ней припал, целует.

– Вера Платоновна.

– Нодари, – Валька говорит.

– Второго подождем – и за стол, – Сабурова сказала и отступила, сияя. Вот, мол, какие у нас зятя! А мне – тьфу!

Переминаются они, не знают что делать. Показалась из комнаты Галка. Ухватила за косяк, дальше двинуться не может.

– Нодари... – шепчет.

– Валечка... – он ей.

Она бросается ему на шею, а он стоит, бедный, на Вальку смотрит. Вот-вот в обморок хлопнется. Валька сестрицу отозвала.

– Ты чего это? Это мой Нодари.

– Нет, это мой Нодари.

– Почему же это твой Нодари, когда это мой Нодари!

– А вот и нет! Мой это Нодари, и все!

Грузин стоит, глаза с одной на другую прыгают. Петька чуть под стол не заполз.

– Ясно, – Сабурова лицом потемнела. – Это наш Нодари. Другого, выходит, не будет.

Пошли за стол.

Пошли впереди. Девки своего Нодари с двух сторон подхватили – и за нею. Петька от смеха давится.

– Чего смеешься, дурень? – я ему, когда те ушли. – Тебе ж это боком выйдет! На второй-то тебе придется жениться!

– Да вы что?! В своем уме?! – он заорал.

– Я-то в своем, не в вашем. А вот вы куда свой ум задевали – я не знаю.

САБУРОВА. Главное – спокойствие. Потом они у меня попрыгают, а сейчас надобно марку держать. Усадила зятя за стол с пирогами и вином, девки по бокам, я – напротив.

– Рассказывайте, – говорю. – Где познакомились, когда...

– Я лично у нас в гостинице, на седьмом этаже, – Валька говорит.

– И я на седьмом. Во время дежурства, – Галка вторит.

– Нодари у нас в длительной командировке, – Валька продолжает.

– Он очень внимательный, – Галка за ней.

– Вижу... Как же так случилось, гражданин Нодари, что вы с двумя девушками спутались?

– Почему с двумя?! Она одна всегда была. Валя!

– Нас обеих Валями зовут, для простоты, – Валька поясняет.

– Вот вам и простота. Допрыгались! – я не сдержалась.

– Да если бы я знал что их две, я бы в другую гостиницу поселился! Не виноват я, что они такие одинаковые! – он канючит.

– Что же вы друг дружке не говорили, что у вас Нодари этот? – спрашиваю у дочерей.

- Нет, мы не делимся, – Валька гордо.
- У нас у каждой своя личная жизнь! – Галька.
- Да какая ж она своя, ежели общая! – взрываюсь.
- Всем делиться – времени не хватит, – Валька возражает.
- Ладно. Любишь ее? – спрашиваю прямо у этого Нодари.
- Люблю! – очень пылко. – Кого?
- Ну кого, кого! Ее, дочь мою.
- Переводит глаза с одной на другую. Вижу, выбрать не может.
- Смотри, на обеих заставлю жениться, – я пригрозила.
- Я не мусульманин, – хмуро.
- Как в длительные командировки ездить – так мусульманин, а как жениться – так нет!
- Давайте, что ли, выпьем? – Валька робко.
- Галька налила. Подняли бокалы.
- За встречу, – Галька предложила.
- Со свиданьем! – я чокнулась с зятем.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА. Как только Анна Семеновна доложила мне о сложившейся ситуации, я сразу поняла, чем она грозит филиалу. Аморалка – везде аморалка. Пятно непременно падет на филиал. Надо было срочно что-то предпринимать.

Я выглянула из кабинета в прихожую и позвала:

– Петр Васильевич, зайдите ко мне, пожалуйста.

Он поднялся, пошел.

Я прикрыла дверь кабинета, усадила его на стул.

– Петр Васильевич... Как идет работа?

– Нормально, Горгона Михайловна. Заканчиваю программу оптимизации людских ресурсов по критерию минимальной загруженности непроизводительными работами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.